

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

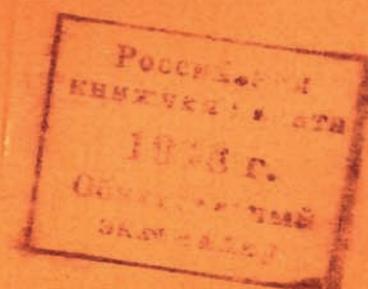
**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 113

С.М.ЧЕРВОННАЯ

КРЫМ'97

КУРУЛТАЙ ПРОТИВ РАСКОЛА

Москва
1998

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 113

С.М.ЧЕРВОННАЯ

КРЫМ'97

КУРУЛТАЙ ПРОТИВ РАСКОЛА

**Москва
1998**

ISBN 5-201-13711-3(13)

© Серия "Исследования по прикладной и неотложной этнологии"
Института этнологии и антропологии РАН. Документ N 113.

Редакционная группа:

В.А. Тишков (отв.ред.)
Н.А. Лопуленко
М.Ю. Мартынова
Д.А. Функ

Материалы серии отражают точку зрения авторов и могут не совпадать
с позицией редакционной группы

При использовании ссылка на материалы обязательна

По вопросам приобретения материалов обращаться по адресу:
117334, Москва, Ленинский проспект, д.32а.
Институт этнологии и антропологии РАН
тел. 938-00-19, 938-07-12
E-mail ANTHPUB@IEA.MSK.SU
fax: (7-095) 938-06-00

Документ № 113

С.М.Червонная

Крым'97:

Курултай против раскола

С.М.Червонная

Крым'97:

Курултай против раскола

*Работа выполнена при финансовой поддержке
Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров
(грант 98-522120)*

*Проект "Тюрко-исламская группа
репрессированных народов бывшего СССР
/балкарцы, карачаевцы, крымские татары, турки-мехетинцы/
современные проблемы восстановления и защиты прав
национальных меньшинств и коренных этносов")*

Об авторе:

Червонная Светлана Михайловна - доктор искусствоведения, Заслуженный деятель искусств Республики Татарстан, почетный профессор Тбилисского Государственного Университета, лауреат Государственной премии Республики Абхазия. Член Германского Общества этнологов (с 1997 года).

1963 - кандидатская диссертация "Монументальная скульптура Литвы, Латвии и Эстонии".

1989 - докторская диссертация "Искусство Татарии. История изобразительного искусства и зодчества с древнейших времен до 1917 года".

С 1963 года работа в НИИ теории и истории изобразительных искусств РАХ, с 1991 г. - работа по совместительству в Институте этнологии и антропологии РАН в должности ведущего научного сотрудника.

1994 - 1995 - учеба в Европейской Международной религиозной школе в Таварнелле (Италия), специализация "Ислам в Европе".

Более 300 публикаций по проблемам развития и взаимодействия культур народов Восточной Европы и Евразии, национальных движений в СССР и постсоветском пространстве, межэтнических контактов и конфликтов, религиозного самосознания (с преимущественным вниманием к историческим судьбам и культуре народов тюрко-исламской, финно-угорской, балтской общностей).

Участие в качестве эксперта (с 1992 года) в ежегодных Конгрессах народов Европы и в работе Федерального Союза народов (национальных групп и меньшинств) Европы, имеющего консультативный статус при Евросовете.

ABOUT AUTHOR

Svetlana Tchervonnaya
(Swietlana Czerwonnaja)

Prof. Dr. habit. Art Criticism (Doctor Sci. degree in 1989), Science and Art Worker of the republic of Tatarstan (since 1982), Prof. Dr. Honoris Causa of the State Tbilisi University (since 1996), Member of the German Association of Ethnology (Deutsche Gesellschaft für Volkskunde - since 1997).

1953 - 1958 - graduated from the Moscow M.V. Lomonosov State University, Faculty of History, Department: History and Theory of the Arts.

Post-graduated studies: Research Institute of the Theory and History of the Arts, Russian Art Academy (1959 - 1962) and International School on Religions in Europe (Communa di Tavarnelle Val di Pesa, Italy, 1994 - 1995).

More than 300 publications on the problems: development and co-operation of the ethnic cultures, inter-ethnic relations and conflicts, ethnic and religious minorities, national movements in Eastern Europe and Asia (in the space of the former Soviet Union), Islam in Europe.

Participation (as expert) on the annual Congresses (since 1992) and in the work of F.U.E.V. (Föderalistische Union europäischer Volksgruppen, Konsultativ-status bei dem Europarat).

SUMMARY

CRIMEA'97: KURULTAY AGAINST SPLIT

In the report the author examines the dramatic situation, which arose 1997 in the development of the Crimean Tatar national movement. It found itself under the threat of the split. The opposition, which had been formed in the Mejlis of the Crimean Tatar people (so-called "fraction of the OCTNM" - of the Organisation of the Crimean Tatar National Movement, or "the group of sixteen"), rose against the leader of the national movement, President of the Mejlis Mustafa Jemilev, charging him with the protection for criminal structures, which are supposed to take under their control the national Bank "Imdat".

Not only struggle for the power, but also the difference of opinion on the problems of the tactic and strategy of the national movement were the basis of conflict. The political course of Mustafa Jemilev is directed toward the social and political integration of the Crimean Tatar repatriates into Ukrainian civil society, constructive dialogue with the official Kiev, legalisation and legitimisation of the national movement, financial-economic maintenance (including - by means of the national bank and national capital) of the political demands, connected with the successive and consecutive rehabilitation of the Crimean Tatar people, restoration and defence of its rights. The aspiration of the opposition to destroying of such instruments of the national movement as bank "Imdat" means in fact a return of the national movement to the former positions of the dissident resistance, deprives it of the support on the own financial basis. The clash of these different approaches and the sharp political fight, into which all Crimean Tatar parties, Muslim communities, national press, wide masses were involved, were been completed with the victory of Mustafa Jemilev, nation-wide support of his course and crushing defeat of the opposition. There were the results of the extraordinary session (of December 1997) of the 3rd Kurultay (All-national Congress) of the Crimean Tatars. Its documents, decisions and resolutions are published and analysed in this report.

1997 год оказался периодом сложнейших потрясений в истории современного крымскотатарского национального и правозащитного движения. В его развитии сложилась критическая ситуация, выход из которой - с огромным трудом - был найден лишь в самом конце этого года на внеочередной сессии III Курултая, состоявшейся в Симферополе 19-21 декабря.

Поскольку многие проблемы крымскотатарского национального и правозащитного движения являются общими у крымских татар с другими национальными движениями и массовыми демократическими организациями бывших "народов СССР", то уроки, которые можно извлечь из крымскотатарского опыта, из крымского кризиса 1997 года и из преодоления этого кризиса, могут иметь существенное значение и для практической деятельности национально-политических элит и масс в СНГ и Балтии, и для этнологической и политологической теории, прослеживающей определенные закономерности в развитии современных национальных движений.

Между двух огней - в собственном доме

Истоки политического кризиса, назревшего и обнаружившегося в крымскотатарском национальном движении к 1997 году, надо искать в итогах первой сессии III Курултая, состоявшейся в Симферополе 26-29 июня 1996 года, а именно в результатах выборов руководящих структур национального движения, в персональном составе Милли Меджлиса, сформированного по итогам тайного голосования из 33-х человек.

С одной стороны, к власти пришла значительная группа новых людей, которые в предшествующий период деятельности Меджлиса, сформированно-

го II Курултаем, то есть в 1991-1996 годах, в этой власти практически никак не участвовали, от принятия ответственных решений были отстранены и могли со стороны критиковать деятельность Меджлиса и крымскотатарской депутатской фракции "Курултай" в Верховном Совете Крыма, выражая "национальное нетерпение", накопившуюся горечь от того, как медленно и непоследовательно решаются на полуострове политические и социальные проблемы реабилитации и интеграции крымских татар, а также обиду, связанную с их собственной непричастностью и к делам высокой политики, и к средствам и источникам молодого национального капитала, постепенно укреплявшего свои позиции в Крыму в плотном сотрудничестве-тандеме с Меджлисом. В основном, эти новые члены Меджлиса и Ревизионной комиссии Курултая представляли политическую верхушку партии ОКНД (Организация крымскотатарского национального движения) и других национальных партий (Решат Аблаев - заместитель председателя ОКНД, Сервер Керимов - председатель "Адалет", Айдер Исмаилов - председатель Партии исламского возрождения), формировавших уже с середины 1990-х годов своеобразный правый фланг внутренней оппозиции по отношению к Меджлису, подталкивавших его к более радикальным мерам защиты национальных интересов крымских татар¹. Таким образом, в новом составе Меджлиса оказалось достаточно энергичных людей, готовых к решительному пересмотру тактики национального движения и к тому практическому "черному переделу", который заставит потесниться прежних "хозяев положения" и обеспечит активу ОКНД доступ к административным и финансовым рычагам управления национальным движением и крымской ситуацией в целом.

С другой стороны, свои претензии на более широкие полномочия, нежели те, что до сих пор давал им мандат Курултая-Меджлиса, предъявили некоторые прежние соратники Мустафы Джемилева, вновь переизбранные или впервые избранные в состав Милли Меджлиса в 1996 году. Люди с высокими должностями, с прочным общественным положением, с учеными званиями, депутатскими мандатами, министерскими портфелями, они уже давно (или вообще никогда) не ощущали своей принадлежности к депортированному народу, не знали горя, нищеты и оказались идеально адаптированными к новым структурам государственной власти, в которой на всем протяжении 1990-х годов задают тон "левые силы", мимикрируют прежние коммунистические структуры, правит бал чиновная бюрократия. В коридорах этой власти - в Симферополе и в Киеве - деятели этого круга уже давно чувствуют себя более уютно и комфортно, чем в среде собственных "соплеменников", или "соотечественников", ведущих отчаянную борьбу за выживание. Для этих людей компромисс с начальством и, что еще важнее, с хорошо просчитанным влиятельным союзником во имя их личной карьеры имеет гораздо большее значение, чем весьма абстрактный "долг перед соотечественниками". Их даже не очень смущает, если таким "начальством" или таким "союзником" окажется слегка "перестроившийся" коммунист, еще недавно именем своей партии оправдывавший геноцид крымскотатарского народа.

Эта (лишь отчасти прокоммунистическая, а в главной сути своей чиновно-бюрократическая, номенклатурная) оппозиция была совсем не похожа на сторонников "ленинского курса" из старого НДКТ (Национального движения крымских татар), откровенно объявивших себя врагами Курултая и Меджлиса и уже давно превративших

свою яростную словесную войну с "агентами западных спецслужб", якобы возглавляющими Милли Меджлис, в политический фарс. Новая оппозиция была в самом Меджлисе, в высших эшелонах национального самоуправления, в депутатском корпусе, сформированном на выборах 1994 года по списку Курултая-Меджлиса. Наблюдателю со стороны, не посвященному в стремительную динамику политических метаморфоз последнего года, даже не могло прийти в голову, что штаб-квартирой этой "левой" оппозиции может стать редакция прогрессивной крымскотатарской газеты "Авдет" (считавшейся "печатным органом" самого Меджлиса), или кабинет вице-премьера Совета Министров Крыма, прежнего председателя фракции "Курултай" в крымском парламенте профессора Ленура Арифова, выдвинутого в свое время на эти посты по рекомендации Милли Меджлиса.

Таким образом, руководство нового Меджлиса оказалось между двух огней в своем собственном доме. Оппозиция "справа" толкала его к политическим авантюрам и экстремистским действиям, которые могли обострить межнациональные отношения в Крыму, сорвать едва наметившееся взаимопонимание и конструктивный диалог организованного национального движения с официальным Киевом. Оппозиция "слева" сковывала его инициативы при любой попытке решительного шага, блокировала все усилия в борьбе за права крымскотатарского народа, потому что ей нужна была не борьба, а конформистское служение власти, распределяющей заветные привилегии. И та, и другая при этом стремились как можно больше заполучить лично для себя, без жалости и благодарности отесняя от общего стола всех соперников. И если кто-либо из оппозиции, "левой" или "правой", действовал не из меркантильных, а из идеальных сооб-

ражений, то это было, согласно известной формуле, "еще хуже".

Фракция ОКНД в Меджлисе

Первое, организационное заседание вновь избранного Милли Меджлиса состоялось через неделю после закрытия первой сессии Курултая в Симферополе - 6 июля 1996 года. Распределение обязанностей, формирование отделов, выборы заместителей председателя и представителей Меджлиса в Узбекистане, Таджикистане, Москве и Санкт-Петербурге должны были идти по привычной, уже хорошо отлаженной схеме. Однако неожиданные трудности и трения возникли уже в организационных процедурах, прежде всего при формировании президиума Меджлиса. Позднее, комментируя эту ситуацию, председатель Меджлиса Мустафа Джемилев говорил:

"Оказалось, что в составе Меджлиса уже существуют какие-то группы, которые, мягко говоря, не симпатизируют друг другу и очень хотят, чтобы в Президиуме было больше представителей своей группы - иначе они не согласятся с избранием в Президиум тех людей, которых предлагает Председатель Меджлиса. В результате [мы] вынуждены были согласиться с абсурдным решением избрать в Президиум 15 человек, то есть почти половину всего состава Меджлиса"².

Наиболее острые противоречия выявились на этом заседании в связи с кандидатурой управляющего делами. Мустафа Джемилев предложил на этот пост кандидатуру Сервера Керимова, однако большинство членов Меджлиса по разным причинам не согласилось с этим предложением. Одни не доверяли или не симпатизировали ему лично, другие опасались усиления партии "Адалет", способной создать "боевые дружины аскеров", третьи увидели возможность завладеть этой ключевой должностью в целях личной выгоды или пользы для своей партии (ОКНД) и не хотели упускать такой шанс.

Хотя созданная и возглавленная Сервером Керимовым партия "Ада-

лет" как радикально-экстремистская сила уже с момента ее возникновения в 1995 году находилась в известной оппозиции ("справа") к Меджлису старого состава, ни личные разногласия, ни какие-либо принципиальные противоречия по линии "Ада-лет" - Милли Меджлис не представляли собой сколько-нибудь серьезной угрозы для целостности и единства крымскотатарского национального движения в том русле, которое можно условно назвать "курултаевским". Не вызывала сомнения и личная преданность лидера партии "Адалет" Мустафе Джемилеву. Во всех своих выступлениях С. Керимов подчеркивал, что Курултай и Меджлис остаются высшим авторитетом для всех крымских татар, в том числе и для его партии. Со своей стороны, М. Джемилев, хотя и несколько дистанцировался от партии "Адалет", в основном одобрял ее действия и инициативы. Наиболее явно это проявилось в его речи на траурном митинге 18 мая 1995 года, посвященном 51-й годовщине депортации крымских татар.

Отрицательные результаты голосования по кандидатуре С. Керимова были не только неприятной неожиданностью для него лично (заручившись поддержкой председателя, он в начале июля 1996 года фактически уже считал себя управляющим делами), но и для Мустафы Джемилева, авторитетным мнением которого его товарищи впервые столь демонстративно пренебрегли. Он так прокомментировал эти события:

"Оказывается для группы членов Меджлиса, которая позже открыто назвала себя "фракцией ОКНД в Меджлисе", очень важно усилить влияние этой организации в Меджлисе, и эта группа отстаивает на должность Управляющего делами кандидатуру Решата Аблаева, который является заместителем председателя ОКНД"³.

Согласившись под давлением большинства доверить пост управляющего делами Решату Аблаеву, Джемилев уже очень скоро столкнулся с его нежеланием выполнять данные ему по-

ручения, с противодействием и саботажем. Больше года продолжалось изнурительное противостояние. К осени 1997 года раскол внутри Меджлиса зашел уже настолько далеко, что выход из положения надо было искать, обращаясь к общенациональному съезду - Курултаю.

Гроза над банком "Имдат"

Ядром противоречий, фактически расколовших руководство крымскотатарским национальным движением в 1997 году, стал вопрос о деятельности банка "Имдат". Именно за доступ к его капиталам, за финансовые рычаги управления политическим и социальным процессом репатриации крымских татар и разгорелась ожесточенная борьба, в которую включились различные оппозиционные силы. Напомним, что крымский коммерческий банк "Имдат" ("Содействие") был создан по инициативе Меджлиса (официально зарегистрирован Национальным банком Украины 20 января 1994 года) с целью концентрации в едином финансовом центре всех капиталов, которые можно было бы направить на реализацию программы возвращения крымскотатарского народа на свою историческую Родину и экономического обустройства репатриантов в Крыму. Капиталы этого банка, сумевшего развернуть в Крыму довольно активную деятельность, складывались, в основном, из двух частей. Первая - это доходы крымскотатарского национального частного бизнеса. Оставим сейчас в стороне вопрос о том, насколько "чистыми" были некоторые из этих доходов, в какой мере была представлена здесь "теневая экономика" и какова была доля тех денег, которые могли "отмывать" в банке "Имдат" чисто криминальные структуры, в частности, группы организованного рэкета; видимо, в целом, таких "темных" капиталов было

здесь во всяком случае не больше, чем в любом другом коммерческом банке. Вторая часть капиталов банка "Имдат" - это фактически собственные средства Меджлиса (формально - средства фонда "Крым", но президентом этого фонда является председатель Меджлиса), сложившиеся из целенаправленных благотворительных отчислений, в том числе из-за рубежа, от крымскотатарской диаспоры, предназначенные конкретно на дело становления национального банка.

Совершенно очевидно, что в деятельности банка "Имдат" далеко не все было корректно и благополучно, и отзвуки внутренних противоречий и потрясений в правлении банка, и вспышки недовольства вкладчиков и зависящих от деятельности банка организаций и частных лиц находили выражение и в подозрениях, и в перевыборных акциях накануне созыва III Курултая. Собрание учредителей избрало председателем совета банка президента кооператива "Оазис" Э. Нафиева, а председателем правления стал Сейтумер Тохтаров, избранный также и делегатом III Курултая. Бывший член Меджлиса (в 1991-1996 годах) Решат Кенже, с именем которого чуть ли не идентифицировалось общее представление о банке "Имдат", фактический держатель и распорядитель его основных капиталов, выслушал на первой сессии III Курултая в свой адрес немало жесткой критики и не был избран в новый состав Меджлиса. Из 159 он получил только 44 голоса в свою поддержку.

Однако настоящий скандал вокруг банка "Имдат", впервые выплеснувшийся за порог "собственного дома", разгорелся лишь во второй половине 1996 года, после того как внутри Меджлиса консолидировалась оппозиция - "фракция ОКНД". Одна часть Меджлиса (председатель Мустафа Джемилев и сравнительно небольшая группа его сторонников) стремилась

сохранить банк "Имдат", устранив по возможности недостатки, взяв под более строгий контроль его деятельность, не разрушая при этом сложившейся структуры и не теряя тех людей, трудами и капиталами которых держался банк. Споры в значительной мере были завязаны персонально вокруг личности Решата Кенже. Оппозиционеры, стремившиеся к кардинальной перестройке в идеальных целях или к переделу сфер влияния в своих эгоистических интересах, готовы были перечеркнуть весь прежний опыт, выбросить за борт политической жизни своих соперников (вопрос упорно ставился о выражении недоверия Решату Кенже и отзыве его из депутатского корпуса Верховного Совета Крыма), фактически разрушить финансовую базу национального движения, созданную Меджлисом ценой огромных усилий и, безусловно, некоторых нравственных компромиссов.

2 августа 1996 года на заседании президиума Меджлиса Ильми Умеров, занимавший тогда пост вице-преьера крымского Правительства⁴, сделал сообщение о незаконном отвлечении бюджетных средств на нужды банка "Имдат". Этот факт стал поводом и сигналом к началу массивной атаки со стороны уже довольно сплоченной внутри Меджлиса оппозиционной группы. Мишенью этой атаки стали не только руководство банка и Решат Кенже, но и сам председатель Меджлиса Мустафа Джемилев, которого оппозиция упрекала в покровительстве растратчикам. Так закрутилось "дело о 80 миллиардах", якобы украденных у крымских татар в результате махинаций, к которым причастно руководство Меджлиса, фонда "Крым", банка "Имдат" и Управления капитального строительства (УКСа) Рескомнаца. Речь шла о поступлениях из государственного бюджета Украины по программе первоочередных мер поддержки крымскотатарских репатриантов. Эти средства были перечислены в Рес-

комнац - бывший крымский Госкомнац, переименованный постановлением Кабинета Министров Украины 7 июля 1997 года в Республиканский комитет по делам национальностей, депортированных граждан и миграций (его председателем в 1994-1997 годах был Осман Адаманов, которого сменил Зия Халиков, утвержденный в этой должности Верховным Советом Крыма 18 июня 1997 года). Обязанностью Рескомнаца было распределение средств по соответствующим статьям расходов (капитальное строительство, выкуп жилья, помощь застройщикам, компенсация затрат на переезд и провоз багажа, ассигнования на развитие культуры, здравоохранения и т.д.) в точном соответствии с правительственными сметами. Эти деньги не подлежали использованию ни в каких иных целях. Однако в определенный момент, попав в трудное положение, оказавшись под угрозой закрытия, банк "Имдат" сумел совершить операцию по "временному использованию бюджетных денег" (80 миллиардов еще старых украинских карбованцев, перечисленных на счет УКСа Рескомнаца) в своих расчетах с фирмами, которые должны были "потом" рассчитаться с УКСом деньгами или стройматериалами. Посредником в этой операции служил фонд "Крым", что фактически означало "добро" на совершение этой операции со стороны руководства Меджлиса. Изымая через свой фонд "Крым" бюджетные деньги "в долг", Меджлис надеялся и на добросовестность фирм, которые рассчитаются с УКСом, и на помощь зарубежной диаспоры, обещавшей собрать и в ближайшее время доставить 250 тысяч долларов для укрепления банка "Имдат", и на то, что застройщики практически не пострадают, поскольку пока будут составляться их списки по актам обследований на местах, деньги, "прокрутившись", уже вернутся и даже с процентами, адекватными инфляци-

онной динамике, а банк "Имдат" будет спасен.

Как и следовало ожидать, благие надежды, за которыми стояла наивность одних и корысть других участников этой операции, не оправдались: фирмы-должники своевременно возвратили фонду "Крым" не весь, а едва ли половину своего долга; обещанные 250 тысяч долларов из-за рубежа поступили по частям и значительно позже, чем ожидалось; к тому времени банк "Имдат" попал в новую финансовую ловушку. По изменившемуся законодательству Украины уставной фонд коммерческого банка должен был быть не менее 500 тысяч экю, которых у банка "Имдат" не было, поэтому руководство банка решило использовать полученные от фонда "Крым" деньги не для расплаты с долгами, а для пополнения своего уставного фонда. Задолженность в бюджет осталась непогашенной, составив на конец 1997 года 450 тысяч украинских гривен.

Суть конфликта, в который были втянуты по-разному заинтересованные в делах банка "Имдат" группы, сводилась при этом к следующему. Для одних, прежде всего для Мустафы Джемилева, главным было спасение любой ценой банка "Имдат" - за счет пострадавших застройщиков, путем не совсем корректных с точки зрения нравственности и законности операций - ибо высокая цель оправдывала средства. Смысл этой высокой цели Мустафа Джемилев еще раз изложил в своем докладе на внеочередной сессии III Курултая:

"... Сам банк был учрежден громадными усилиями в очень благородных целях... Идея создания банка, который оказывал бы помощь решению некоторых социальных проблем наших соотечественников, становлению наших бизнесменов, родилась в Меджлисе почти сразу после развала СССР и начала свободы частного предпринимательства. Идея банка особенно укрепилась после того, как мы воочию убедились, что отпускаемые государством средства на возвращение и обустройство наших соотечественников, бесстыдно разворо-

вываются и используются на совершенно иные цели... Это хорошо понимали и те чиновники, владельцы фирм и мафиозные структуры в Крыму и Киеве, которые имели непосредственное отношение к этим средствам и успели на них прилично разжиреть. Мы получили информацию и о том, как на кое-каких "сходках" велись разговоры насчет того, что ни в коем случае они не допустят создания "татарского банка" и что татары должны только "пахать" на своих огородах. Но с нашей стороны, к сожалению, оказалось мало людей, понимающих значение банковской системы для будущего нашего народа. Мы заявляем о праве нашего народа на свою национально-территориальную государственность, но то, что этого невозможно добиться одними заявлениями, умными речами в парламентах или вымалыванием справедливости у высоких инстанций, не смогли еще понять очень многие, даже в составе высшего представительного органа нашей нации"⁵

Итак, национальный банк - как фактор "национальной политики", как средство борьбы за "национально-территориальную государственность", как гарант политических успехов и социальной справедливости по отношению к крымскотатарскому народу; национальный капитал - как оружие национально-освободительного и правозащитного движения в современном демократическом обществе, более эффективное, чем любые акции неповиновения или демонстрации протеста. Такова концепция, определяющая стратегию Меджлиса во всех вопросах учреждения, поддержки, защиты, финансового обеспечения банка "Имдат".

Чтобы понять значение такой стратегии, мы должны сравнить ее с результатами других национальных движений в бывших советских республиках. Только там и тогда, где эти движения опираются на достаточно крепкую собственную финансово-экономическую базу, у них есть перспектива достижения своих политических целей. Там же, где дело ограничивается лозунгами, митингами, расчехлением на чистый энтузиазм, устаревшими методами стихийного сопротивления, национальные движения буксуют, останавливаются на мертвой точке, разрушаются.

В критический и переломный для многих национальных движений в странах СНГ 1993 год, когда часть из них сходит с политической арены, вырывается в культурные клубы и землячества, а другая часть неудержимо вползает в безнадежные и кровопролитные гражданские войны с новыми режимами либо уходит в подполье или эмиграцию (где тоже постепенно замолкает и исчезает, исчерпав скудный лимит посторонней материальной поддержки), руководство Меджлиса крымскотатарского народа заботится об учреждении национального банка, о передаче ему контрольных функций над бюджетными средствами Украины, выделяемыми для обустройства крымских татар, находит пути укрепления своих экономических позиций. М. Джемилев рассказывает:

"С этой целью были проведены многочисленные встречи с высшими должностными лицами в Киеве. Вопрос о банке был одним из главных и во время встречи Председателя Меджлиса с первым Президентом Украины Л. Кравчуком в конце 1993 года. И мы очень признательны всем государственным деятелям Украины... которые хорошо поняли значение этого банка для нас и в политическом плане для Украины в целом, оказывали ему всяческое содействие или, по крайней мере, препятствовали различным структурам задушить этот банк"⁶.

И теперь уничтожить его собственными руками? Только потому, что ревизоры, честолобивые ревизоры, еще ничего не сделавшие для общенационального дела, подняли крик, обнаружив, конечно, неприятные, но может быть, и неизбежные в банковском деле факты, ошибки, некорректные операции и долги? Нужно ли объяснять, почему и насколько решительно, категорично Мустафа Джемилев отвечал на эти риторические вопросы твердым "нет", почему не "сдавал" он ни Решата Кенже, ни других своих соратников по банку "Имдат" и по фонду "Крым", принимая на себя всю полноту ответственности за финансовую деятельность и долги национального банка.

Другая логика была у его противников, образовавших оппозиционную группу внутри нового состава Меджлиса. "Высокая цель не может быть достигнута нечистыми средствами", "Грязные руки не должны прикасаться к святому делу", "Единожды солгав...", "Единожды обманув народное доверие, мы потеряем право руководить национальным движением" - весь этот набор кристальных истин, формируя безупречную нравственную максиму, был противопоставлен прагматичной политике вынужденных компромиссов. Крайняя позиция была сформулирована примерно так: "Будь что будет с народными деньгами, пусть ворует и совершает с ними махинации кто угодно, но лишь бы Меджлис был от них подалее, ибо это доставляет лишние хлопоты, служит источником для различных сплетен..." ("...Это не только мое умозаключение, - комментировал эту "формулу неучастия" Мустафа Джемилев. - Именно в этом духе открыто аргументировали [свою позицию] и некоторые голосовавшие за перевод счета УКСа [из банка "Имдат" в любой другой, "не наш" банк] члены Меджлиса"⁷).

Была в этом столкновении, разумеется, и третья сила, представленная людьми, озабоченными только личной выгодой и обеспечением лично для себя прямого доступа к большой финансовой кормушке. Им было наплевать и на дальние стратегические и политические цели национального движения, и на идеалы тех рыцарей без страха и упрека, для кого их личная честь и моральная безупречность были важнее любых дальних или близких, бесспорных или сомнительных общенациональных целей. Некоторые из них уже похозяйничали в банке "Имдат", уже обогатились или проворовались и дали основание председателю Меджлиса с горечью говорить о том, что этому банку с самого начала "очень не повезло с кадрами":

"Например, оказалось, что бывший председатель Совета банка "Имдат" обжулил не только этот банк, но и многие другие банки в Крыму, фирмы многих предпринимателей в Узбекистане, Турции, Украине, многих рядовых соотечественников [...] В то время как основная часть учредителей, и в первую очередь фонд "Крым", прилагали огромные усилия и пытались изыскать средства для становления и укрепления банка, другие, пользуясь отсутствием должного контроля, успешно решали свои личные финансовые проблемы, выделяли без всяких гарантий большие кредиты для фирм друзей, родных и близких. Например, получивший из банка наиболее крупный кредит некий предприниматель Рамазан Усеинов, не сумев выплатить [долг], пустился в побег..."⁸.

В то же время новые охотники за добычей, чьи авантюрные хождения в банк "Имдат" еще не состоялись, рвались к переделу сфер влияния, мечтали только о том, чтобы оттеснив или "утопив" в убойственном компромате прежних хозяев банка, занять их места и уже самим распределять кредиты для своих "друзей, родных и близких".

**Первые "схватки под ковром".
Народ пока безмолвствует...**

В такой ситуации спровоцированного скандала руководство Меджлиса сначала выбрало выжидательную тактику, стремясь оттянуть срок принятия каких-либо решений по банку "Имдат", исходя из того, что никакие перемены не будут к лучшему. Сообщение Ильми Умерова на заседании президиума 2 августа 1996 года повисает в воздухе: никакие решения по обнародованным фактам не принимаются, предполагается провести специальное заседание Меджлиса по данному вопросу, тщательно подготовив его. Назначенное на середину августа заседание Меджлиса, однако, срывается из-за того, что председатель совета банка С. Тохтаров и "кое-какие другие лица, к которым мы хотим предъявить претензии", как объясняет Мустафа Джемилев, находятся в отъезде. Оппозиция, однако, торопится и не желает терять темпа в раз-

вернувшейся атаке. О дальнейших событиях рассказывает Джемилев:

"Через пару дней Управляющий делами [Решат Аблаев] передает мне заявление от имени 12-ти членов Меджлиса с требованием созвать заседание Меджлиса 24 августа 1996 года. Разумеется, я не возражаю... Но опять выясняется, что 24 августа председателя Совета банка в Крыму не будет. Обсуждаем ситуацию с Решатом Аблаевым и решаем перенести заседание еще на неделю. Но в субботу 24 августа мне звонят домой [в Бахчисарай - С.Ч.] и сообщают, что в Меджлисе идет заседание. К моменту моего приезда в Меджлис на заседании уже было проголосовано то самое постановление... в 10-дневный срок перевести расчетный счет УКСа Рескомнаца из банка "Имдат" в какой-нибудь другой банк, но в какой именно - не уточнялось, депутату ВС Кенже Решату сложить депутатские полномочия, директору Фонда "Крым" объявить строгое предупреждение и тому подобное"⁹.

Джемилев предложил отменить это постановление и постарался убедить Меджлис в его несвоевременности и необоснованности. При повторном голосовании несколько человек, изменив свою прежнюю позицию, проголосовали против, но этого оказалось недостаточно для его отмены. Джемилев добился повторного рассмотрения вопроса на новом, расширенном заседании Меджлиса, где присутствовало все руководство банка "Имдат". Заметим, что за все это время в печать, в том числе в газеты "Авдет" и "Голос Крыма", обычно тщательно фиксирующие хронику заседаний Меджлиса, не просачивалось никакой информации о событиях, потрясающих его изнутри.

Заседание продолжалось два дня и было насыщено сенсационными взаимными разоблачениями, которые бросали друг другу председатель совета банка С. Тохтаров и бывший начальник УКСа З. Халиков. По мере выяснения общей картины на этом заседании Джемилеву удалось отменить один за другим почти все пункты прежнего постановления, включая такие ключевые положения, как перевод счета УКСа из банка "Имдат" в другой банк и отзыв депутата Р. Кенже. Создается временная рабочая комиссия из пяти человек, которой поручается подготовить "ре-

комендации о принципах взаимоотношений Меджлиса с банком "Имдат". Работа комиссии из-за острых внутренних противоречий затягивается почти на полгода. Только 24 января 1997 года на заседании президиума Меджлиса сообщается, что комиссия закончила свою работу, хотя и не пришла по ряду пунктов к единому мнению. О том, какие страсти сопровождали ее деятельность, свидетельствует хотя бы такой факт, что один из членов этой комиссии Э. Аметов, категорично требовавший перевода счета УКСа из банка "Имдат" в другой банк, пригрозил в случае невыполнения его требования выйти из Меджлиса, объявить голодовку и сделать заявление для печати против Меджлиса.

В чрезвычайно нервной обстановке на фоне только что разразившегося в Крыму парламентского кризиса (Верховный Совет АРК выразил недоверие 15-ти членам президиума и отправил в отставку спикера В. Киселева) проходит в Симферополе заседание Меджлиса 8 февраля 1997 года. Закрытая часть этого заседания посвящается делу банка "Имдат", и вопреки доводам председателя, большинством голосов (18 - за, 11 - против, 2 - воздержались) принимается решение о переводе счета УКСа из банка "Имдат" "в какой-нибудь другой банк". Это был один из тех случаев "победы фракции ОКНД", механизм которых Мустафа Джемилев следующим образом вскрыл в своем докладе на внеочередной сессии III Курултая:

"Члены этой фракции, как правило, собираются у себя в здании ОКНД перед заседаниями Меджлиса, обсуждают там вопросы, которые подлежат обсуждению в Меджлисе, и договариваются, как они будут голосовать [...] Иногда решение о том, как они будут голосовать в Меджлисе, принимается даже на заседаниях Центрального Совета ОКНД. Поэтому объяснять что-либо этим людям на заседаниях Меджлиса, приводить какие-либо аргументы или доказательства бесполезно - они все равно будут голосовать так, как они уже заранее решили. Иначе это будет расцениваться как нарушение дисциплины в организации"¹⁰.

Десять дней потребовалось Мустафе Джемилеву для обдумывания и принятия волевого решения, которое впервые поставило возглавляемое Меджлисом национальное движение на грань очевидного и принципиального раскола. На заседании президиума 18 февраля он обнародовал свое заявление об уходе в отпуск до созыва внеочередной сессии Курултая. Фактически это был ультиматум, предъявленный противникам его курса. Встревоженный Меджлис собрался на заседание 22 февраля 1997 года. Снова рассматривался вопрос о банке "Имдат", руководители которого готовы были признать все свои долги и принять все меры по предотвращению возможных злоупотреблений и нарушений финансовой дисциплины. Тем не менее, при повторном голосовании большинство снова высказалось за перевод счета УКСа в другой (заведомо не подконтрольный Меджлису) банк и отвергло заявление председателя об отпуске и его требование созыва внеочередной сессии Курултая. Джемилев отказался (впервые за все годы своего руководства Меджлисом) подписывать постановление, принятое большинством голосов, ибо считал его вредным и беспринципным, и настаивал на созыве внеочередной сессии Курултая и на том, что сам он не будет исполнять обязанности председателя взбунтовавшегося Меджлиса, пока Курултай не рассудит, кто прав, и не внесет ясность в спорные вопросы.

Его противники дрогнули, и на заседании Меджлиса 1 марта 1997 года было принято решение "не предпринимать в течение месяца действий по закрытию расчетного счета УКСа в банке "Имдат" при условии, что со стороны банка за этот период не будут допущены финансовые нарушения". Это решение хотя бы на время устраивало Джемилева, ибо позволяло спасти национальный банк от финансового краха, и он готов был работать дальше,

не расшатывая, а стабилизируя ситуацию. Голосование по этому решению, за которое высказались 23 человека из 26 присутствующих, показало, что не все шансы восстановить единство в Меджлисе еще потеряны, разумеется, если ОКНД не навязывает своей "фракции" соблюдение "партийной дисциплины". Что же касается коллизии между принципами "демократии" и "диктатуры", то такой ее вовсе не существовало, а если стремление к диктату и проявлялось, то скорее со стороны ОКНД, требовавшей от своих членов безусловного послушания, нежели со стороны Мустафы Джемилева, который старался действовать достаточно дипломатично, избегая до последней возможности жесткой конфронтации с новым "большинством" в составе Меджлиса. Его противники, напротив, демонстрировали склонность к жестким мерам. Энвер Аметов, голосовавший 1 марта против компромиссного решения, пришел в ярость от того, что оно было принято, и покинул заседание Меджлиса, хлопнув дверью и заявив, что больше его ноги в Меджлисе не будет. За ним последовал Ленур Арифов, а это уже был и грозный, и серьезный вызов: войну председателю Меджлиса фактически объявлял руководитель депутатской фракции "Курултай", можно сказать, второе по влиятельности лицо в крымскотатарском национальном движении второй половины 1990-х годов.

Хрупкое согласие внутри Меджлиса, достигнутое 1 марта 1997 года, длилось недолго. Наступление, нападки на председателя и его команду, саботирование его указаний, нарушение прежних договоренностей, срыв конструктивных решений путем включения уже отлаженного механизма голосования ("большинство" хотя бы в несколько голосов, как правило, оказывается против любых предложений Мустафы Джемилева), даже никогда не виданные и немислимые прежде акции

"бойкота" по отношению к инициативам председателя - все это пускается в ход, причем уже не только в связи с проблемой банка "Имдат", но по широкому фронту кадровых, тактических и иных разногласий.

Одна из таких акций "бойкота" состоялась 29 июня 1997 года. Мустафа Джемилев предложил провести в этот день выездное заседание Меджлиса в селе Фоти-Сала, соединив это мероприятие со встречей с соотечественниками, проводившими в тот день в этом селе традиционный ежегодный сбор земляков и праздничный митинг. Однако "фракция ОКНД" решила бойкотировать выездное заседание, и та половина Меджлиса, которая приехала в Фоти-Сала, обнаружила, что необходимого кворума для заседания нет.

Моральная, психологическая нагрузка на руководство национальным движением особенно возрастает, поскольку происходит все это на фоне отнюдь не простой и отнюдь не благоприятной для крымских татар в целом социально-политической обстановки в Крыму. Верховный Совет Крыма лихорадят действия так называемой "антикриминальной оппозиции". По всему полуострову активизируются сепаратистские силы, ориентированные на отрыв Крыма от Украины и Украины от ее западных союзников. 29 марта в Симферополе проходит съезд русских общин с участием думской делегации из Москвы; 19 апреля - к 214-й годовщине аннексии Крыма Российской империей Конгресс русского народа и Народное вече Севастополя проводят митинги и другие мероприятия "Дня России", на которых выдвигаются требования "ликвидации квот для крымских татар в парламенте".

Экономическое положение основной массы крымских татар остается на грани социальной катастрофы, и ни в Киеве, ни в Симферополе не принимаются действенных мер по его улучшению. Более того, в Законе Украины "О

государственном бюджете Украины на 1997 год" исчезает статья расходов на капитальные вложения по программе обустройства и расселения крымских татар. Выше поднимается волна народного отчаяния и массового недовольства. 22 апреля партия "Адалет" проводит акцию протеста против игнорирования администрацией нужд и интересов крымских татар, выразившуюся в пятичасовой блокаде трассы Симферополь - Белогорск. В июле жители поселка Строгановка под Симферополем перекрывают Ялтинскую трассу в знак протеста против падения уровня жизни и бедственного положения крымских татар. Их примеру следуют крымские татары в поселке Урожайное и в других районах Крыма. Время для внутренних разборок и сведения счетов в крымскотатарском движении наступает, мягко говоря, неблагоприятное.

Надо признать, что конфликтующие стороны предпринимают огромные усилия для того, чтобы разногласия, раздражающие Меджлис, до самой последней, крайней стадии этого конфликта не выплеснулись наружу. На всех официальных встречах, в зарубежных поездках (например, на съезде Ассоциации тюркских народов в Анкаре в апреле, на 42-м Конгрессе народов Европы в Пёртшахе-ам-Вёртерзее в Австрии в начале мая, на IV Курултае тюркских народов в Измире в конце августа) крымскотатарские делегации сохраняли внешнюю видимость полного единства, даже если в составе этих делегаций были люди, уже оказавшиеся по разные стороны внутренних баррикад. По тону и содержанию крымскотатарских газет "Авдет" (под редакцией Л. Буджуровой) и "Голос Крыма" (под редакцией Айдера Эмирова и Эльдара Сеитбекирова) до самой поздней осени 1997 года было невозможно заметить и угадать, что национальное движение стоит на грани раскола.

Разногласия обостряются буквально по всем вопросам: по новым кандидатурам председателя Рескомнаца (кому там быть - З. Халикову или Э. Гафарову), начальника УКСа (от З. Халикова этот пост переходит к Ф. Халилову, от Ф. Халилова к Н. Алиеву), Министра социальной защиты (на тайное голосование в Меджлисе выносятся три кандидатуры - Э. Эннанова, Х. Куртбединова и Р. Кенже). При этом возникает тревожная закономерность: как только председатель Меджлиса предложит или поддержит чью-либо кандидатуру, у нее немедленно находятся решительные противники из "фракции ОКНД" или из окружения Л. Арифова, который, став в июне 1997 года вице-премьером Совета Министров Крыма, сосредоточил в своих руках значительную власть и в правительстве, и в Верховном Совете. Подозрительность, враждебность оппозиционеров к любому работнику, кого обоснованно или без оснований начинали считать "ставленником Мустафы", "человеком Мустафы", парализовали деятельность ряда государственных структур, провоцировали распространение компромата, подрывали доверие соотечественников к тем, кто по долгу службы должен был защищать их интересы. Выбор кандидатов на те или иные должности, проводимый через машину голосования, все чаще учитывал не деловые качества и достоинства этих людей, а личное отношение к ним председателя Меджлиса (при этом решение, разумеется, принималось "от обратного": при поддержке председателя кандидатура не проходила, при выражении председателем каких-либо сомнений или обоснованного отвода соответствующая кандидатура, напротив, упорно вытягивалась, даже если это могло пойти во вред делу). Так был проведен на должность председателя Рескомнаца Зия Халиков, уже совершивший немало неблагоприятных поступков на посту начальника УКСа и еще больше усугу-

бывший бессилие Наблюдательного совета, отрыв государственного аппарата от народа, игнорирование национальных интересов крымских татар. Альтернативная же кандидатура бывшего Управляющего трестом "Крым-агроспецстрой" Эдипа Гафарова не прошла (не получила поддержку Меджлиса) фактически только потому, что за него высказался Мустафа Джемилев.

Не легче складывалась ситуация и в тех случаях, когда Джемилеву удавалось настоять на своих предложениях, использовать свое право председателя принимать рабочие решения без процедуры голосования или когда машина голосования, контролируемая "фракцией ОКНД", давала неожиданные сбои. Так, в итоге обсуждения и тайного голосования (в том же июне 1997 года) по кандидатурам на пост Министра социальной защиты в новом Совете Министров Крыма равное количество голосов (по 9) получают Эдем Эннанов и Хубедин Куртбединов. Право выбора между набравшими равное количество голосов кандидатами было предоставлено председателю Меджлиса, и он склонился к кандидатуре Эннанова как человека более опытного, уже занимавшего этот министерский пост в прежнем составе правительства. Немедленно Эннанов оказывается под огнем публичной критики со стороны несогласных с председателем членов Меджлиса. Лиля Буджурова в передаче "Ана-Юрт", которую она ведет по крымскому телевидению, рассказывает о его прошлых грехах, показывает его хороший дом, намекая, что построен он на "народные деньги", даже обвиняет его в том, что в село, где он живет, проведен газ, хотя работы по газификации шли совсем по другой, независимой от положения крымских татар программе и к деятельности Эннанова никакого отношения не имели.

Еще хуже получилось с Нариманом Алиевым, назначенным на должность

начальника УКСа по рекомендации Мустафы Джемилева. Заручившись поддержкой Л. Арифова, З. Халиков просто уволил его, не посчитавшись с мнением Мустафы Джемилева и грубо нарушив трудовое законодательство.

Однако последней каплей, переполнившей чашу терпения, было принятое в августе 1997 года в одностороннем порядке Л. Арифовым и З. Халиковым решение перевести расчетный счет УКСа Рескомнаца из банка "Имдат" в другой банк. Председатель Меджлиса даже не был заблаговременно предупрежден об этом решении, перечеркнувшим все его прежние усилия по спасению банка "Имдат". На срочно созванном 13 сентября заседании Меджлиса переломить ситуацию он уже не смог: "устойчивое большинство" одобрило своим голосованием убийственную для национального банка акцию. В таких условиях Мустафа Джемилев дальше работать с данным составом Меджлиса посчитал невозможным. Рубикон был перейден 20 сентября, когда на расширенном заседании Меджлиса он потребовал созыва внеочередной сессии Курултая и объявил о своем уходе "в отпуск" до открытия этой сессии. Исполняющим обязанности председателя Меджлиса временно был назначен Заместитель Джемилева Рефат Чубаров.

С этого дня и Мустафа Джемилев, и его противники, исчерпав все средства воздействия друг на друга, стали возлагать свои надежды на Курултай, который должен был в затянувшемся споре поставить все точки над "i", рассудить, кто прав - кто не прав, поддержать председателя Меджлиса или оппозицию.

Осенний марафон '97 - подготовка к Курултаю

Ни та, ни другая сторона не ждала декабря, сложив руки. Даже по таким

далеко не полным источникам информации, как официальная хроника событий, публикуемая на страницах еженедельной газеты "Голос Крыма", видно, что Мустафа Джемилев в период между 20 сентября и 19 декабря ни на один день, ни на один час не выпускал из своих рук рычагов управления национальным движением, не складывал с себя действительные обязанности и полномочия председателя Меджлиса. Он проводит встречи с зарубежными, украинскими и крымскими политическими, общественными, религиозными деятелями: 1 октября - с членами делегации официальной миссии ОБСЕ; 4 октября - с аналитиком бюро Госдепартамента США по проблемам миграции и беженцев Дианой Ханек Абдиен; 9 октября в Бахчисарае - с послом США на Украине Уильямом Грином Миллером; 14 октября - с атташе посольства Турции на Украине по вопросам культуры Феритом Джийомом; в тот же день - с парламентской делегацией Швеции во главе с депутатом рикстага Карин Вегестол; 3 октября - вместе с приехавшей из США Айше Сеитмуратовой принимает участие в торжественном открытии новой школы в селе Каменка, построенной в рамках Программы развития и интеграции ООН в Крыму; 15 октября уже в Киеве - ведет переговоры с секретарем Национального совета безопасности и обороны Украины В. Гобулиным и встречается с председателем Народного Руха Украины, обсуждая перспективы предстоящих выборов в Верховную Раду; 14 ноября в здании Крымскотатарского драматического театра в Симферополе - проводит организованную Муфтием Крыма Нури Мустафеевым встречу с представителями мусульманских общин; на следующий день - принимает делегацию Христианско-демократической партии Украины в Крыму; 25 ноября в офисе фонда "Крым" - ведет переговоры с заместителем председателя Управления вер-

ховного комиссара ООН по делам беженцев на Украине Йозефом Дьорке; 30 ноября там же - принимает делегацию из Ирана во главе с генеральным секретарем Международного форума по сближению исламских течений аятоллой Мохаммадом Ваэз-заде Хорасани; 9 декабря - встречается с представителем президента Украины в Крыму В.А. Киселевым и группой ответственных работников Администрации президента и Совета национальной безопасности, прибывших в Крым. Как нетрудно заметить, все это очень мало похоже на времяпрепровождение в длительном отпуске. Однако главная работа Джемилева в эти месяцы - это встречи с соотечественниками, выступления в региональных меджлисах по всем районам Крыма - от Джанкоя до Ялты и Судака. Потом он говорил:

"Я действительно после выхода в отпуск провел около 25 собраний с соотечественниками во всех районах Крыма, [...] ни на одном из них мною не было сказано ни одного слова против каких-то групп или конкретных лиц в Меджлисе, наоборот, я пытался рассеять распространившиеся слухи [...] убедить, что оснований для истеричных заявлений о том, что "Меджлис идет ко дну" нет [...] что все будет расставлено на свои места предстоящей сессией Курултая"¹¹.

Свой трудный путь к Курултаю прошла за эти осенние месяцы и оппозиция. Прежде всего она занялась перераспределением властных полномочий внутри Меджлиса. 4 октября была создана рабочая группа по подготовке и проведению внеочередной сессии III Курултаея, срок созыва которой (19 декабря 1997 года) был окончательно утвержден. В эту группу вошли Р. Чубаров (председатель), К. Асанов, А. Джеппаров, С. Кадыров и Ш. Кайбуллаев. Была утверждена новая структура Меджлиса. Вместо Р. Чубарова, который заявил, что не может одновременно исполнять обязанности председателя Меджлиса и вице-спикера крымского парламента, на должность председателя, по предложению Л. Арифова, был избран Решат Аблаев. Освободившуюся должность управляющего делами

получил давно претендовавший на нее Сервер Керимов, который к этому времени окончательно определил свою позицию в рядах противников Мустафы Джемилева.

В изменившемся составе президиума, как и в Меджлисе в целом, по-прежнему не было единства по ключевым вопросам. Безусловно, с формальным уходом Джемилева "в отпуск" и переходом председательской должности в руки Р. Аблаева (Рефат Чубаров не захотел взять на себя ответственность, связанную с продолжением дела Мустафы Джемилева в опустевшем без него Меджлисе) позиции "фракции ОКНД" (можно сказать, и "фракции Ленура Арифова", хотя с ОКНД этот высокопоставленный чиновник себя никак не идентифицировал и только пользовался голосами и поддержкой тех же "оппозиционеров") значительно усилились. И все же вести борьбу с прежним председателем от имени всего Меджлиса, об общенациональном авторитете которого этот председатель продолжал заботиться, да и в рядах которого оставались и колеблющиеся люди, и последовательные сторонники Мустафы Джемилева, занимавшие в структуре Меджлиса отнюдь не второстепенное место (например, Надир Бекиров, Шевкет Кайбуллаев), было практически невозможно.

Поэтому оппозиция стала действовать "по своим каналам" - через печать (используя не только свою национальную трибуну - газету "Авдет", но и такие газеты, как "Крымское время" или "Арекет", охотно печатавшие любые пасквилы на Мустафу Джемилева, особенно исходившие из уст его бывших соратников¹²), через партии, объединения, путем тайных интриг и открытых обращений к общественности.

**Непредсказуемая "Справедливость"-
неподкупная "Адалет"**

Первое серьезное поражение оппозиция потерпела на "независимой" (от Меджлиса) территории, а именно в партии "Адалет" ("Справедливость"). Преобладала в ней радикально настроенная молодежь, послушная строгой партийной, почти военной дисциплине. Лидер этой партии Сервер Керимов, абсолютно уверенный в поддержке сплоченных им под флагом борьбы за справедливость людей, сделал попытку вовлечь всю партию в борьбу со своими противниками, которыми он считал "коррупцированную верхушку" банка "Имдат" и взявшего банк под свое покровительство председателя Меджлиса. Неожиданно, однако, он наткнулся на внутреннее сопротивление. Молодые товарищи по партии все чаще с тревогой стали спрашивать Керимова, что происходит в Меджлисе и может ли партия "Адалет" остаться в стороне, не поддерживать в трудную минуту Мустафу Джемилева, если, как следует из всех прежних деклараций, создавалась эта партия для поддержки Меджлиса, руководимого Мустафой Джемилевым. Почувствовав сопротивление, но еще не отдавая себе отчет в том, насколько глубоко проникло оно в партию, Сервер Керимов решил немедленно отсечь от партии всех недовольных и предложил всем, кто не согласен с его линией, выйти из партии. Однако взять процесс под свой контроль он оказался уже не в состоянии.

Это нашло выражение в итогах голосования и официальных документах II съезда Крымскотатарской национальной партии "Адалет", который состоялся в Симферополе 16 ноября 1997 года. Поскольку было ясно, что здесь произойдет главное сражение между участниками конфликта и этот съезд станет своего рода репетицией будущего Курултая, к нему были стянуты значительные силы с обеих сторон. Среди докладчиков, наблюдателей и гостей съезда была значительная груп-

па людей, членством в партии "Адалет" никак не связанная, прежде всего сам Мустафа Джемилев, обратившийся к съезду с первым приветственным словом, а также муфтий Крыма Нури Мустафаев, вице-премьер Л. Арифов, председатель Рескомнаца З. Халиков, новый управляющий банком "Имдат" (переименованным в "Крым-Юрт") А. Галаган, члены Меджлиса Р. Аблаев, С. Берберов, Э. Сеитбекиров, Э. Аметов, члены Ревизионной комиссии Курултая.

Чувствуя, что почва уже уходит из под его ног, Сервер Керимов не искал компромиссов, чтобы удержаться во главе партии, сражался до конца - до своего полного поражения. В своем заявлении, сделанном вместо "отчета о проделанной работе", он сказал:

"В последнее время, в связи с моей позицией о злоупотреблениях и даже преступлениях в расходовании бюджетных средств, предназначенных для наших соотечественников, я, как лидер партии, начал испытывать давление... Заявляю, что не собираюсь менять свою позицию по отношению к тому, что происходит. А происходит вот что: отдельные члены Меджлиса крымскотатарского народа решили, что им удобнее скрывать от нашего народа, что его обкрадывает кучка так называемых бизнесменов и чиновников. Они решили, что десятилетия наше национальное движение боролось не за права крымских татар, а за право "Имдат-банка" обкрадывать наш народ... В этой связи, понимая всю ответственность за происходящее, заявляю: я не буду лидером партии, если в ней нашли себе место люди, чьи собственные интересы и ложные авторитеты стали дорожкой международного дела. Если они не боятся суда народа, я его боюсь. Я боюсь и суда Аллаха, перед которым мы все в ответе за каждый свой шаг на этой земле"¹³.

Съезд ответил на этот вызов переизбранием председателя партии "Адалет". Место С. Керимова занял 34-летний Альмир Самадинов из Карасубазара. Съезд принял "Обращение" партии "Адалет" к предстоящей сессии Курултая, в котором говорилось:

"В решении крымскотатарских проблем не оценима организующая роль Курултая и его исполнительного органа в лице Меджлиса. Нам известны те усилия, которые прилагает Меджлис, лично Мустафа Джемилев как на международном, так и на государственном уровнях.

Наша национальная борьба имеет сложный характер. В сферу политической борьбы вовлечены десятки и сотни тысяч соотечественников, имеющих свой личный жизненный, политический опыт. Координация этих движений, мнений, выработка такого единого направления мысли и действия требуют терпимости, объединения усилий. В нашем противостоянии друг другу кровно заинтересованы наши недруги. Разрушение того фундамента, на котором основывается наша общность, - единение, сплоченность рядов, устремленность к единой цели, - едва ли не главная задача наших противников. Сегодня явно прослеживается тенденция к системному разрушению тех достижений, которых крымскотатарский народ добился за последние десятилетия. Обескровлено строительство, введен разлад в работу Меджлиса, готовится удар по финансовому институту нации - банку "Имдат" и Фонду "Крым".

В этом плане мы, от имени национальной партии "Адалет", самым решительным образом осуждаем фракционность в Меджлисе, требуем сохранить целостность наших рядов, объединившись вокруг признанного лидера нации Мустафы Джемилева Крым-оглы"¹⁴.

16 против Одного или 16 против своего народа?

Проиграв этот раунд борьбы, оппозиция решила на крайнюю меру, которой стало направленное в средства массовой информации "Обращение к делегатам III Курултая крымскотатарского народа", получившее печальную известность как "письмо шестнадцати". Позднее, в своем докладе на внеочередной сессии Курултая Мустафа Джемилев сравнит это письмо с памятным "Обращением 17-ти" 1967 года, которое считалось актом предательства в крымскотатарском национальном движении, и скажет:

"Я надеюсь, что Курултай даст адекватную оценку этой выходке 16-ти и нейтрализует хоть в какой-то мере тот ущерб и позор, который они нанесли единству нации и ее высшему представительному органу"¹⁵.

Текст этого "Обращения", принятого и разосланного в редакции газет 26 ноября 1997 года (28 ноября оно было напечатано в газете "Голос Крыма", 8 декабря - в газете "Авдет"), гласил:

"Группа недобросовестных предпринимателей пытается превратить Меджлис в "политическое прикрытие" своих незаконных операций, связанных с расхищением бюджетных средств, выделенных на Программу возвраще-

ния и обустройства крымскотатарского народа. Эти люди не стесняются обкрадывать своих соотечественников, и без того оказавшихся в бедственном состоянии. К сожалению, в их рядах оказались и некоторые члены Меджлиса ныне действующего и прошлого состава. Председатель Меджлиса всем своим авторитетом и прямыми действиями создавал условия, в которых оказались возможными эти хищения. Хозяйственно-финансовым инструментом хищения бюджетных средств стали "Имдат-банк" и 00 [Общественное объединение] Фонд "Крым". Нас всех пытаются обмануть словами, будто "Имдат-банк" - это народный или национальный банк крымских татар. Это - ложь. "Имдат-банк" - коммерческий банк, являющийся собственностью нескольких частных фирм, за которыми стоят вполне конкретные люди. И вся его деятельность направлена на интересы именно этих людей, а не народа в целом. Третья часть собственности "Имдат-банка" принадлежит общественной организации Фонд "Крым", Президентом которого является Председатель Меджлиса. Но именно Фонд Крым, получив из государственного бюджета 800 тысяч гривен для оказания помощи индивидуальным застройщикам - нашим соотечественникам - уже более двух лет держит эти деньги в своих "карманах", обрекая много сотен людей на жизнь в землянках или недостроенных домах. И это только один пример деятельности "Имдат-банка" и Фонда "Крым" "в интересах крымскотатарского народа".

Обеспокоенный сложившейся ситуацией Меджлис еще в августе прошлого, 1996 года на своем заседании поставил вопрос об "Имдат-банке", но встретил ожесточенную реакцию Председателя Меджлиса. Именно тогда возникло противостояние большинства Меджлиса и его Председателя. Со временем это противостояние углубилось и, по естественной логике вещей, перекинулось на другие сферы - кадровые назначения, работу депутатской фракции "Курултай", выдвижение кандидатур в народные депутаты Украины. Вместе с тем, политические и социально-экономические проблемы крымскотатарского народа в работе Меджлиса как высшего представительного органа отошли на второй план.

Мы понимаем, что самым большим достижением национального движения крымскотатарского народа со времен депортации является его массовое возвращение на родину.

Мы понимаем, какой жизнеобеспечивающей ценностью нашего народа являются его высшие структуры самоорганизации - Курултай и Меджлис.

Мы не можем и не должны допускать, чтобы авторитет Меджлиса крымскотатарского народа использовался в корыстных целях людьми с нечистыми помыслами, кто бы ни были эти люди, какие бы заслуги перед народом они ни имели.

Мы не можем и не должны позволить превратить Меджлис в "политическое прикрытие" хозяйственно-финансовых махинаций.

Делегаты Курултая! Соотечественники! Мы, члены Меджлиса крымскотатарского народа, обращаемся к Вам. Вам предстоит принять нелегкое решение, от которого будет зависеть единство народа. Единство народа - в борьбе за восстановление его политических, гражданских и социальных прав, за право и возможности его возвращения на родину, за человеческие условия жизни, наконец. Нет альтернативы Меджлису и Курултаю крымскотатарского народа в виде коммерческих, банковских или иных структур"¹⁶.

Обращение подписали: Аблаев Решат, Аметов Энвер, Арифов Ленур, Берберов Садык, Буджурова Лиля, Джаксин Сейтхалил, Керимов Сервер, Куртосманов Бекир, Кубединов Кубедин [Куртбединов Хубедин], Карашаев Рустем, Куртсеитов Руслан, Меджитов Эмир, Селимов Ниязи, Таиров Сервер, Халиков Зия, Хаиров Иззет.

О том, в какой обстановке принималось это "Обращение 16-ти", ярче всего свидетельствует сделанное через десять дней - 6 декабря 1997 года - "Заявление, принятое на совещании членов Меджлиса" (его даже нельзя было назвать "заявлением Меджлиса", поскольку для правомочного заявления уже нельзя было собрать необходимого кворума):

"Кризис в Меджлисе, появившийся в связи с разделением позиции членов Меджлиса по поводу финансовых махинаций вокруг бюджетных средств, выделяемых на возвращение и обустройство наших соотечественников, как и ожидалось, завел представительный орган крымских татар в тупик. Часть членов Меджлиса, не являясь на его заседания, саботирует работу Меджлиса, пытаясь таким образом сорвать решение по многим вопросам, в том числе и по подготовке к предстоящему Курултаю. В то же самое время ведется массированная деятельность по "обработке" делегатов Курултая и членов Меджлиса в попытках изменить их принципиальную позицию. Кроме того, в разных районах, в нарушение Положения о местных органах самоуправления, проводятся перевыборы тех председателей региональных меджлисов, которые не соглашаются быть "карманными"..."¹⁷.

Это было то самое выражение отчаяния, ощущение собственного бессилия и все теснее смыкающегося вокруг оппозиции круга национального отчуждения, которое еще раньше выплеснулось в эмоциональной статье Л. Буджуровой "Кризис в Меджлисе: все нормально - идем ко дну..."¹⁸.

За три недели до открытия внеоче-

редной сессии Курултая оппозиция использовала последнюю возможность напрямую обратиться к широкой общественности (формальное обращение "к делегатам III Курултая" было лишь поводом для выхода в средства массовой информации) для защиты своей позиции. Для одних, подписавших это обращение, это было делом принципа, убеждения, что святое дело можно продолжать только чистыми руками. Для других - красивой ширмой политической интриги. Однако и в том и другом случае оно объективно было направлено во вред национальному движению, размывало его цельность, подрывало авторитет его лидера. Впервые в этом обращении, вместо туманных намеков на чьи-то "ложные авторитеты" и на "отдельных членов Меджлиса, которым удобнее скрывать от нашего народа, что его обкрадывают", прямо говорилось об ответственности председателя Меджлиса (Мустафы Джемилева). Это был вызов чрезвычайной дерзости, ибо харизма лидера национального движения до сих пор еще не подвергалась публичной критике изнутри самого этого движения. Нападки со стороны только увеличивали его популярность. Шестнадцать человек, избранных в Меджлис крымскотатарского народа, решились переступить ту черту, за которой раскрывалась бездна провала национального движения, и перед глубиной этой бездны теряли всякий смысл доказательства истинной или сомнительной вины каких-то банкиров.

Сын Крыма - Мустафа Джемилев

Для понимания того, какая ценность в лице Мустафы Джемилева была поставлена на кон в этой политической игре, мы должны учитывать его популярность, прошлые заслуги, исключительный характер его героической био-

графии, суть его политического курса, за или против которого должны были в конечном итоге высказаться те, кому предстояло выбрать между Мустафой и выступившей против него меджлисовской оппозицией.

Каждое из этих положений мы могли бы проиллюстрировать и подкрепить множеством объективных данных и личных впечатлений, полученных в ходе исследований в Крыму и за рубежом. Современное российское да и европейское общественное сознание, давно освоившее в качестве политической и нравственной максимы предупреждение "не сотвори себе кумира", наверно, просто не способно в полной мере адекватно воспринять то всенародное обожание, которое окружает Мустафу Джемилева в тюрко-татарской среде. Многотысячные национальные митинги взрываются шквалом безудержных оваций, как только слово предоставляется Мустафе Джемилеву. Каждое слово, сказанное его тихим голосом, воспринимается массами как высшая и бесспорная истина, как откровение Пророка. Можно искать глубокие исторические, этнопсихологические корни такой популярности, в том числе и в менталитете людей Востока, последователей Ислама - религии Авторитета и Послушания, в психическом комплексе пострадавшего, депортированного народа, который Мустафа, словно легендарный Моисей, вывел из среднеазиатской пустыни и привел на обетованную землю - в Крым. Можно издали, со стороны, относиться сколько угодно скептически к такой интерпретации современной истории, к самому факту превращения личности Мустафы в харизматического национального героя, в "звезду и надежду" всего тюркского мира, однако не считаться с этим фактом нельзя.

Выросло уже не одно поколение татар и турок, с детства усвоивших, что среди самых мужественных, самых чистых героев этого мира, защитников

народа, борцов за правду, мучеников за веру есть на земле Мустафа "Кырым-оглу" - "сын Крыма". В экспедиции, которую автору довелось провести летом 1996 года в районах компактного проживания татар в Румынии, в небогатых рыбацких поселках и деревушках, в пригородах Констанцы татары - наследники давних переселенцев из Крыма, граждане Румынии, не зависящие никак и ни в чем от нынешней политики Меджлиса или настроения его председателя, подводили ко мне своих детей и говорили им: "Дотронься до ее руки - эта женщина встречалась с Мустафой, и Мустафа жал ее руку". В здании единственного татарско-мусульманского культурного центра в Констанце висят четыре портрета - Исмаила Гаспринского, Кемаля Ататюрка, Нумана Челеби Джихана и Мустафы Джемилева. В турецком городе Измире, почетным гражданином которого является Мустафа, есть парк его имени и нет человека, который бы этого имени не знал.

Объективные исследования, проведенные именно в Крыму, в частности, Институтом открытого общества (по проекту изучения вынужденных миграций 1996 года), построенные на массовых социологических опросах, на данных экспертного анализа и широкой репрезентативной выборки, позволили сделать вывод о том, что в представлении крымских татар Мустафе Джемилеву "нет никакой реальной альтернативы", "крымские татары убеждены в том, что ему принадлежит неоспоримое лидерство" и "готовы неуклонно следовать за ним", считая, что "личность Джемилева играет огромную роль, и если бы не было Джемилева, положение дел было бы совсем другое"¹⁹. Даже не скрывающие своего скептического отношения к "диктатуре" Мустафа Джемилева авторы российской "Независимой газеты" признают: "...Авторитет г-на Джемилева среди татарских масс настолько велик,

что без его личного согласия сместить его вряд ли возможно"²⁰.

Яркое проявление солидарности Курултая со своим лидером можно было наблюдать уже на первой сессии III Курултая в июне 1996 года. Там много спорили, там уже было видно недоброжелательное отношение большинства к руководителям банка "Имдат" и фонда "Крым" (ни Решат Кенже, ни директор фонда Риза Шевкиев не были избраны в Меджлис по итогам тайного голосования), но когда вопрос коснулся выбора председателя - здесь уже не было ни разных мнений, ни споров, ни критики, ни сомнений. В итоге тайного голосования выяснилось, что из **159** делегатов, которым были розданы бюллетени, **149** проголосовали за Джемилева. Когда были объявлены результаты голосования, одна из делегатов, яростнее всех спорившая в ходе Курултая со своими противниками, сказала: "Слава Богу, в *этом* мы все еще с Вами едины, слава Богу, *это* нас объединяет".

Мы можем пользоваться достаточно широкой шкалой сравнений, и мы знаем, что и другие национальные движения в СССР и постсоветском пространстве выдвинули, а кое-где и привели к власти лидеров, пользующихся в своих республиках и регионах весьма широкой, даже граничащей с культом личности популярностью. Сам по себе факт такой популярности, и развешанных по всем городским площадям портретов, и митинговой истерии - "всенародной поддержки", и даже всенародного голосования с результатом "99,99 % - за" во многих конкретных случаях не может вызвать у российской демократической общественности никакого умиления. Напротив, может лишь шокировать и насторожить как сигнал политического неблагополучия.

Все дело в том, что Мустафа Джемилев - это как раз не тот случай. Он слишком не похож ни на азиатского "баши", ни на славянского "батьку", ни

на какого другого партийного или государственного лидера из нынешних функционеров, каждый из которых в недавнем прошлом - или секретарь Обкома КПСС, или Секретарь республиканского ЦК, или первый чекист КГБ, или в лучшем случае - благополучный "хозяйственник" или дипломированный ученый марксистско-ленинской пробы. Мустафа - герой диссидентского подполья, бесстрашный рыцарь политического антисоветского андерграунда, семь раз судимый тоталитарным режимом и превращавший каждый судебный процесс в гражданское единоборство с этим режимом, проводивший треть своей жизни (18 лет из 54-х) в тюремных стенах и лагерях, восхищавший мир своим беспримерным мужеством и героическими голодовками, единственный политузник, за спасение жизни которого боролись и Рональд Рейган, и Вацлав Гавел, и Петр Григоренко, и Андрей Сахаров (условием своего возвращения из горьковской ссылки в Москву он поставил перед М.С. Горбачевым немедленное освобождение Мустафы Джемилева). Ни единой тени не легло на имя этого человека, ни малейшего подозрения в сотрудничестве с враждебным его народу режимом, в трусости, в доношительстве, в личном карьеризме не коснулось его. В полном соответствии с высокими традициями революционного романтизма он посвятил жизнь борьбе за счастье и освобождение своего народа.

Обращаясь все к той же шкале сравнений, взглянем на дело и с другой стороны. Безусловно, во главе национальных движений самых разных - больших и малых - народов нашей страны на рубеже 1980-90-х годов оказалось немало высоко порядочных и ничем себя не скомпрометировавших людей (независимо от их прошлых, советских биографий, да порою и с почти безупречными биографиями таких же активных или потенциальных диссидентов). Чем же отличается от них

Мустафа Джемилев? Во-первых, он не изменился, не переродился в диктатора или в националистического ястреба. Вспомним для сравнения печальную историю перерождения Звиада Гамсахурдия. Даже чисто внешне Джемилев не изменил манеры поведения, всего демократического имиджа, не нарушил традиции постоянного общения с земляками: любой крымский татарин может придти к нему на прием в Меджлис, и эти приемы по понедельникам затягиваются до позднего вечера. Он не потерял доверия, уважения и любви своих соотечественников, которые до сих пор не разочаровались в нем, как порою безнадежно разочаровались целые народы в своих прежних вождях и кумирах. Может быть, ему даже повезло в том отношении, что он (пока?) не стал ни президентом, ни главой признанного или непризнанного государства, что он остался вождем все еще бесправного, не до конца реабилитированного народа и в защите интересов этого народа продолжает представлять правозащитное демократическое движение, а не властную силу или правительственную структуру.

Во-вторых, у него есть программа, цель, он знает, что нужно для достижения целей национального движения, и с почти безошибочной, правильной ориентацией он выбирает те методы борьбы и принимает те решения, которые близки к оптимальным вариантам. Не будем переписывать для подтверждения этой истины всю историю крымскотатарского национального движения последних лет, напомним только, что именно благодаря позиции, разработанной и занятой Джемилевым, это движение не зашло в тупик сепаратистских конфликтов с Украинским государством, не вползло в кошмар гражданской войны, как это случилось, к примеру, с движениями национальных меньшинств в Таджикистане, в Молдавии, в Грузии, способствовало сохранению гражданского мира на

Крымском полуострове.

Наконец, в-третьих, от многих других таких же демократических лидеров таких же мирных движений и таких же бесправных, не "победивших", не ставших "титულными нациями независимых государств" этнических меньшинств Джемилев отличается несравнимым масштабом своего личного авторитета, политического опыта, государственной мудрости. Да, с ним встречаются на равных, порою ищут с ним встречи, наносят ему визиты, посещая Крым, прислушиваются к его словам, рекомендациям, знают его по имени и в лицо государственные деятели такого ранга, как президент Турции или президент Украины, Послы великих держав, комиссары ООН и главы миссий ОБСЕ, министры и парламентарии, крупнейшие религиозные деятели мусульманского мира. Сегодня любой другой крымский татарин, какими бы личными достоинствами он ни обладал в собственных глазах или в глазах группы своих сторонников, если он заменит Мустафу Джемилева, - окажется таким же никому не известным, второстепенным лидером забытого "национального меньшинства", какими выступают руководители многих других общин на той же Украине.

Конечно, не бывает незаменимых людей, в будущем и крымскотатарский народ может воспитать и выдвинуть новых, молодых лидеров, не менее способных и не менее авторитетных, чем Мустафа, но все это будет уже в другом времени, а нанести себе ущерб сегодня, отстранив от руководства Мустафу, лишившись реального, а в чем-то уникального преимущества, может только сообщество с суицидальной политической манией. Крымскотатарский народ такой манией не страдает.

Поэтому выступление оппозиции, "поднявшей руку" на председателя Меджлиса, было обречено, и это стало ясно еще до открытия внеочередной

сессии Курултая. "Раскольников" не поддержало собрание ветеранов национального движения, состоявшееся 7 декабря. Газета "Авдет" до крайнего срока подписания в печать 22-го номера держала свободной полосу, надеясь поместить на ней текст резолюции собрания ветеранов, вторящий "Обращению 16-ти". Однако никакого подобного заявления собрание не приняло. Этот пробел явно не могло восполнить напечатанное на данной полосе в последнюю минуту персональное "заявление" Энвера Муединова, главный пафос которого сводился к личной жалобе на отстранение его от должности председателя Ревизионной комиссии Курултая:

"Кому и для чего понадобилась кризисная ситуация в Ревизионной комиссии Курултая? Она понадобилась прежде всего Председателю Меджлиса М. Джемилеву и группе его сторонников, чтобы уйти от разоблачения их неблагоприятной деятельности, связанной с использованием общественных и бюджетных денежных средств, т.к. они прямо создавали условия для хищения денежных и материальных средств, предназначенных для наших соотечественников, через Фонд "Крым" и "Имдат-банк"²¹.

Накануне внеочередной сессии Курултая

К открытию внеочередной сессии Курултая в руках М. Джемилева были сосредоточены все нити управления съездом, и на его стороне оказались такие мощные силы поддержки, как Ревизионная комиссия (отстранившая большинством голосов Э. Муединова от должности председателя), значительная часть энергичных членов Меджлиса и его президиума (прежде всего руководитель политико-правового отдела Надир Бекиров), партия "Адалет" (и обеспеченная силами этой партии охрана здания театра, в котором проходит внеочередная сессия Курултая, и весь ее пропускной режим), мусульманское духовенство во главе с Муфтием Крыма Нури Мустафаевым и главами мусульманских об-

щин (состоявшаяся еще 14 ноября встреча и выступление Джемилева перед представителями этих общин сыграли в этом отношении ключевую роль), подавляющее большинство региональных и местных меджлисов, во многих случаях заранее декларировавших свою позицию. Так, например, состоявшаяся в Бахчисарае конференция местных меджлисов этого крупнейшего региона компактного проживания крымских татар "резко осудила Обращение 16-ти" и приняла обращение к будущей сессии Курултая, требуя "поддержать политический курс, предлагаемый председателем Меджлиса и его сторонниками, считать целесообразным участие в выборах ВР Украины в избирательном блоке с Народным Рухом Украины"²².

Что касается "внешних союзников" (из США, Турции, Румынии, Польши, представителей правозащитных движений и демократических организаций СНГ и Балтии), то на эту сессию Курултая они не были приглашены в виде такого мощного корпуса, какой присутствовал на первой сессии в июне 1996 года. Однако во многом их отсутствие компенсировалось делегацией Народного Руха Украины, возглавленной самим Вячеславом Чорновилом и приехавшей в Крым с тем, чтобы официально предложить председателю Меджлиса Мустафе Джемилеву и по его выбору одному из его соратников баллотироваться в Верховную Раду Украины по партийному списку Народного Руха.

Сюжет, касающийся участия крымских татар в выборах в Верховную Раду Украины 29 марта 1998 года, заслуживает отдельного внимательного рассмотрения. Здесь мы изложим его лишь кратко. Согласно Закону о выборах в Верховную Раду, правом выдвижения кандидатов по "партийным спискам" пользуются лишь партии Украины, имеющие региональные организации в нескольких областях. Ясно, что

ни одна крымскотатарская партия (даже если бы удалось зарегистрировать ее в Минюсте Украины), базирующаяся только в Автономной Республике Крым, таким правом не пользовалась, да и по сути не могла бы преодолеть 4%-ный барьер, установленный для прохождения в парламент. До сих пор ни одного крымского татарина в Верховной Раде не было, это ощущалось болезненно и тормозило принятие важных для крымскотатарского народа решений. Намерение Меджлиса на этот раз сделать все возможное для того, чтобы послать своих представителей в Верховную Раду и не упустить этот важнейший рычаг влияния на законодательный процесс и политическую ситуацию, изначально требовало выбора союзников, а именно той общеукраинской партии, в блоке с которой сможет выступить организованное крымскотатарское национальное движение. Естественно, так же изначально этот выбор был ориентирован на Народный Рух Украины, и ничего нового и неожиданного в поисках такого альянса не было.

Неожиданность произошла в сентябре 1997 года, когда в Донецке состоялась учредительная конференция Партии мусульман Украины (ПМУ), которую возглавил Рашид Брагин. Посланные на эту конференцию в качестве наблюдателей от Меджлиса крымскотатарского народа Ниязи Селимов (член Меджлиса, член ОКНД, делегат Курултая от Севастополя) и Садык Берберов (кроме них на съезде присутствовал также Энвер Куртумеров - секретарь Муфтиата Крыма), не согласовав свои действия ни с руководством Милли Меджлиса, ни с Муфтием Крыма, не только приняли участие в этой конференции в качестве делегатов-учредителей, но и вошли в руководящие структуры новоявленной партии и вступили в переговоры с ее председателем об участии Меджлиса в будущих выборах в блоке с этой партией,

по ее партийному списку. Собственно, ПМУ и создавалась в срочном порядке для участия в выборах. Многие здесь выглядело, однако, подозрительным и требовало гораздо более тщательного анализа и учета. Настораживало само проведение учредительной конференции в Донецке, где сильны позиции левых, а также сепаратистских по отношению к Украине групп. Крымским татарам вряд ли могло быть с ними по пути. Неясной оставалась фигура инициатора создания этой партии (избранного ее председателем) - Рашида Евгеньевича Брагина, который до этого выступал в роли главы "альтернативного" (по отношению к Духовному управлению мусульман Украины и к Муфтию шейху Ахмаду Тамиму) "Независимого Духовного управления мусульман Украины". Установленные Меджлисом и Духовным управлением мусульман Крыма тесные дружественные отношения с ДУМУ, с Ахмадом Тамимом как-то не вязались с поспешным объединением с партией Рашида Брагина.

Однако даже столь безотрадная перспектива для национального движения в целом не остановила часть меджлисовской "оппозиции", которая с восторгом встретила инициативы ПМУ, надеясь торпедировать таким образом союз с Народным Рухом, который ориентировался прежде всего на кандидатуру Мустафы Джемилева, предоставляя ему место среди первых пяти кандидатов партийного списка. Некоторое время ситуация оставалась в подвешенном состоянии, и только внеочередная сессия Курултая окончательно восстановила курс на союз с Народным Рухом, приняв специальное постановление "Об отношении к выборам 29 марта 1998 года". Этим решением утверждалось участие крымских татар в выборах в Верховную Раду Украины в блоке с партией Народного Руха Украины и кандидатуры Мустафы Джемилева и Надира Бекирова, включен-

ные в избирательный список партии Народного Руха Украины.

Заметим, что в кругах меджлисовской "оппозиции" кандидатура Надира Бекирова не встречала единодушной поддержки. Лиля Буджурова с явным сожалением писала о том, что Мустафа Джемилев (за которым оставалось право выбора второй кандидатуры по списку Руха) предпочел Бекирова Чубарову, и ставя риторический вопрос: "кому это выгодно?", уточняла:

"Тем, кто видит в Чубарове политического конкурента, или тем, кто просто недопонимает, что потеря политика такого уровня, учитывая его общеукраинскую и международную известность, может повредить всему национальному движению?"²³.

На самом деле, по всем объективным параметрам "общеукраинская и международная известность" у Бекирова и у Чубарова одинакова. Если Чубаров где "известнее", так только в Крыму, где на посту вице-спикера крымского парламента он установил широчайшую сеть контактов с фракциями и парламентариями, с правительственными структурами Автономии (какова польза от этих контактов национальному движению и народу - это уже другой вопрос, но рейтинг политической влиятельности у Чубарова в Крыму, конечно, максимальный). Вопрос, поставленный Буджуровой, является откровенной "проговоркой" в другом, более существенном, чем сравнительное выяснение достоинств Чубарова и Надирова, направлении. Несомненно, меджлисовская "оппозиция" исподволь готовила Чубарова на роль главы национального движения, уверяя крымскотатарский народ, что политик "такого уровня" и "такой международной известности" сможет легко заменить Мустафу Джемилева.

За всем уже известным и бурно обсуждаемым "расколом" между председателем Меджлиса и открыто выступившей против него оппозицией ("фракцией ОКНД", или "группой 16-ти") остался в тени главный и, может быть, наиболее болезненный раскол -

между Мустафой Джемилевым и Рефатом Чубаровым, которые долгое время составляли слаженный и цельный руководящий тандем при безусловном первенстве и лидерстве председателя. Видимо, Чубаров внутренне уже приготовился к новой роли, и только неуверенность в том, что сил для свержения Мустафы достаточно, объясняет ряд его нервных движений и непоследовательных поступков осенью 1997 года. Сначала он садится в кресло исполняющего обязанности председателя Меджлиса, через две недели бежит с этого кресла, вдруг вспомнив о невозможности совмещать эту работу с обязанностями вице-спикера. Сначала он берет самоотвод при выдвижении кандидатов на выборы в Верховную Раду, затем этот самоотвод снимает. Вроде бы он не присоединяется к оппозиции, но разве поддерживает председателя в полную силу?

Не бросив Чубарову ни единого упрека публично, Джемилев делает только два шага: выбирает для избирательного списка в Верховную Раду кандидатуру Надира Бекирова и проводит через постановление Курултая 20 декабря 1997 года выделенное особой строкой (пунктом 7) положение о том, чтобы до следующей сессии Курултая наделить Меджлис правом по представлению председателя "утверждать и освобождать его первого заместителя" (раньше это была исключительная компетенция самого Курултая).

Наконец, окончательный прорыв и перелом в расстановке сил определился, когда выяснилось, что оппозиция не может удержать в своих руках даже национальную печать, уже почти готовую стать ее рупором и ее опорой. Что-то в этой готовности безнадежно сломалось еще задолго до того, как Курултай своим постановлением от 21 декабря 1997 года "О крымскотатарских средствах массовой информации" не оставил оппозиции ни малейшего шанса использовать для своих целей

трибуну национальных газет. "Голос Крыма", который, как может показаться на первый взгляд, в течение всего критического периода между 20 сентября и 19 декабря 1997 года сохранял "нейтралитет" и публиковал на своих страницах всю доступную редакции информацию и любые письма и заявления (и за, и против Джемилева), поступавшие в редакционную почту, на самом деле все более последовательно склонялся к принципиальной поддержке председателя Меджлиса М. Джемилева и его курса, открыв зеленый свет потоку писем в его защиту²⁴. Критические выступления против Джемилева на страницах газеты "Голос Крыма" оказывались на "дальних" полосах, под невыразительными, бледными заголовками и в буквальном смысле слова терялись среди кричащих шапок и поданных крупным планом "материалов поддержки". Так, даже "Обращение 16-ти", опубликованное на второй странице в 47-м номере газеты "Голос Крыма" (1997), оказалось в плотном кольце окружения среди броских публикаций, дезавуирующих это "Обращение": под ним было напечатано "Заявление организационной группы партии "Адалет", категорически осуждавшее "недалновидность и близорукость" оппозиции, а рядом - пространное интервью с самим Мустафой Джемилевым и его портрет. В следующем, 48-м номере опубликованное на второй странице "Открытое письмо М. Джемилеву" Наримана Кадырова, содержащее горькие, оскорбительные обвинения в адрес Мустафы, буквально упиралось в газетный подвал, озаглавленный "Зампира Асанова: "Ничто не поколеблет мою веру в Мустафу". Именно последние слова, набранные крупным и жирным шрифтом, должны были остаться в памяти читателей, подводя итог словесной дуэли, которой умелая журналистская аранжировка никак не позволяла состояться на равных условиях.

Так обстояло дело с "нейтральным" "Голосом Крыма". Характерно, однако, что и отнюдь не "нейтральный" "Авдет", оказавшийся в руках "взбунтовавшейся" Лили Буджуровой, исполнявшей обязанности его главного редактора вплоть до внеочередной сессии Курултая, не смог до конца выполнить роль оппозиционной трибуны. Он просто выдохся в неравной борьбе с общественным мнением крымскотатарского народа, все более очевидно склонявшимся к поддержке Джемилева. Средства в защиту "оппозиции" становились все более сомнительными и похожими на журналистские "утки" и провокации в расчете на сенсацию. Именно так воспринимался загадочный "P. S.", сопровождавший редакционное сообщение об отставке Сервера Керимова из партии "Адалет": "17 ноября информированный источник из ГУ МВД Украины в Крыму сообщил, что в субботу в милицию позвонил неизвестный и предупредил, что на бывшего лидера партии "Адалет" Сервера Керимова готовится покушение"²⁵. Никакого покушения не состоялось, а престиж газеты пошатнулся существенно.

Характерно, что газета "Авдет", учредителем которой значился фонд "Крым" (напомним: президент фонда - Мустафа Джемилев) и все финансовое состояние которой действительно находилось в руках М. Джемилева, продолжала регулярно выходить и не испытывала никаких экономических трудностей, никакого давления и вмешательства в работу журналистов вплоть до самого открытия "Курултая". Демократия и свобода слова в "Авдет" была вполне обеспечена, а вот сказать людям было практически нечего, и самым явным проявлением бессилия оппозиции может служить последний, предкурултаевский номер газеты (№ 23 от 16 декабря 1997 года), в котором, вообще, не было **ничего**, кроме скучнейшего изложения длинных "Поло-

жений" о Меджлисе, о Ревизионной комиссии и регламента Курултая крымскотатарского народа в старой и новой редакциях на всех четырех страницах. Разумеется, внимательный читатель мог найти при тщательном сравнении этих редакций те крупницы смысла, те осколки политической интриги, ради которых и предлагалось внеочередной сессии Курултая принять эти известные документы в новой редакции. Можно было оценить тонкую казуистику новых формулировок и заметить, к примеру, что по новому положению "Председатель Меджлиса...подписывает в десятидневный срок принятые Меджлисом решения"²⁶ (вот и юридическая ловушка для строптивого председателя, который, как мы помним, отказался подписывать решение Меджлиса, с которым он был не согласен), да и немало других подобных крючкотворных тонкостей. Но разве об этом должна была говорить со своим читателем газета "Авдет" 16 декабря 1997 года, может быть, в последний раз обращаясь к нему от имени еще не наказанной, не "разогнанной", еще всесильной "оппозиции"?! Где те последние аргументы, которые могли перевесить чашу весов еще колеблющегося общественного мнения? И эти скучнейшим бюрократом отредактированные "Положения", которые предлагалось принять оглушенному Курултая, - лебединая песня свободного "Авдета"? Нет, они сами подписали себе приговор.

**Вердикт Курултая:
обжалованию не подлежит**

19 декабря 1997 года открылась внеочередная сессия Курултая, на которую прибыло 138 делегатов. После исполнения национального гимна и торжественного молебна началась ее работа. Первым решался вопрос о повестке дня. Организационная группа по

проведению Курултая (ее фактическим руководителем был Мустафа Джемилев) предложила свою повестку дня, в соответствии с которой уже был заготовлен пакет документов, завершающих разгром оппозиции и предоставляющих новые, широкие полномочия председателю Меджлиса. Оппозиционное меджлисовское большинство предложило свою, альтернативную повестку дня, которую должно было завершить принятие "Положений" о Меджлисе и Ревизионной комиссии, ограничивающих полномочия председателя. Курултай проголосовал за проект повестки дня, предложенный Мустафой Джемилевым.

В своем докладе Мустафа Джемилев осветил всю предысторию и драматическую хронику конфликта, раскрыл все обстоятельства, связанные с деятельностью банка "Имдат", не скрывая теневых сторон этой деятельности, изложил свою интерпретацию кризиса в Меджлисе и сделал выводы, которые он считал важнейшими для дальнейшей деятельности Меджлиса:

"Безусловно... нормальное и плодотворное функционирование любого органа в первую очередь зависит от нравственных, деловых, интеллектуальных и чисто человеческих качеств людей, которые работают в этом органе, от подлинных целей и намерений, которыми эти люди руководствуются. Но все же немалое значение имеет и система норм и правил, регулирующих деятельность этого органа. Я полагаю, что можно было бы избежать этого кризиса или, по крайней мере, не допустить его до нынешнего уровня при наличии нижеследующих положений, которые в той или иной редакции предлагаю внести в Регламент Курултая и Положение о Меджлисе крымскотатарского народа:

- предоставить право Председателю Меджлиса при избрании состава Меджлиса на сессии Курултая отводить без обсуждения до 10 % от выдвинуты кандидатов;

- предоставить Председателю Меджлиса право на вето по наиболее важным политическим, кадровым и социальным вопросам, которое может быть преодолено на следующем заседании Меджлиса, если за решение проголосует не менее 2/3 его состава;

- предоставить Председателю Меджлиса право создавать исполнительные и консультативные комиссии в объеме прав и полномочий, предусмотренных Курултаем;

- предоставить Председателю Меджлиса право созывать внеочередные сессии Курултая, если его решение будет поддержано не менее чем 1/3 состава Меджлиса"²⁷.

Далее с отчетным докладом о работе фракции "Курултай" в Верховном Совете Автономной Республики Крым с мая 1994 по декабрь 1997 года выступил председатель депутатской фракции Надир Бекиров.

После этого свои доводы попыталась изложить оппозиция. Однако вице-премьер Совета Министров Крыма Ленур Арифов вынужден был прервать свое выступление по требованию съезда: большинство делегатов Курултая проголосовало за прекращение этого выступления, посчитав содержащиеся в нем данные измышлениями, направленными на подрыв национального единства. На следующий день произошел инцидент, связанный с тем, что один из делегатов Курултая отказался от предоставленного ему слова в пользу Лили Буджуровой, собиравшейся огласить новое обращение. Председательствующий на сессии Джульверн Аблямитов не позволил произвести такую замену выступающих, и охрана Курултая (члены партии "Адалет") силой отстранили Буджурову от микрофона. После этого 16 членов Меджлиса и их сторонники из числа делегатов Курултая в знак протеста покинули зал. Это произошло в 12 часов 50 минут 20 декабря 1997 года. Это, однако, не сорвало работу сессии, сохранившей не только необходимый для принятия решений формальный кворум, но явное, подавляющее большинство делегатов Курултая, оставшихся в зале. Прения по докладам продолжились, и красной нитью по ним проходили призывы сохранить единство национального движения и осудить интриги и раскольническую деятельность оппозиции. Внимательно были выслушаны подробные сообщения нового управляющего банка "Имдат" ("Крым-Юрт") А. Галагана, директора фонда "Крым" Р. Шевкиева и специально приглашен-

ного на сессию прокурора И. Читакова, разъяснившего, что ни о каких "хищениях" и иных преступлениях в банке "Имдат" нельзя говорить до результатов расследования, которое пока таких выводов не делает, а фиксирует лишь наличие невозвращенных долгов банку некоторыми фирмами.

Важнейшим итогом внеочередной сессии III Курултая было принятое 20 декабря поименным голосованием (96 - за, 3 - против, 16 - воздержались) постановление "О мерах по преодолению кризиса в Меджлисе крымскотатарского народа". Приведем его текст полностью, ибо каждая формулировка исполнена здесь важного смысла и имеет адрес точно рассчитанного политического удара:

"Ряд членов Меджлиса крымскотатарского народа разослал 26 ноября 1997 г. в различные информационные агентства и печатные издания подписанное ими обращение в адрес делегатов Курултая крымскотатарского народа.

В этом обращении содержался ряд обвинений в адрес Председателя и других членов Меджлиса крымскотатарского народа, банка "Имдат" и учрежденного решением II Курултая крымскотатарского народа Фонда "Крым".

Внеочередная сессия Курултая, рассмотрев все доводы и утверждения авторов обращения, находит их необоснованными и предвзятыми. Уже сам факт, что упомянутая группа, зная, что затронутые ими в своем обращении проблемы входят в круг вопросов, которые обязательно будут детально рассматриваться на предстоящей внеочередной сессии Курултая, направила свой документ не сессии или делегатам Курултая, а в первую очередь разослала информационным агентствам, свидетельствует о намерении этой группы не содействовать цивилизованному и беспристрастному рассмотрению поднятых вопросов, а о попытке оказать давление на делегатов Курултая и навязать им свою точку зрения.

При этом авторы обращения не могли не предвидеть, что подобное их действие наносит ущерб престижу Курултая крымскотатарского народа и избранного им Меджлиса крымскотатарского народа, способствует реанимации и усилению сил, работающих против единства крымскотатарского народа и препятствующих восстановлению его законных прав.

Имевшие место нарушения в области контроля за целевым использованием бюджетных средств не могут быть оправданием для сделанных авторами обращения выводов и, тем более, для широкомасштабной пропагандистской кампании, поскольку эти нарушения дав-

но известны соответствующим государственным инстанциям и по ним принимаются необходимые меры.

Ряд членов Меджлиса крымскотатарского народа, подписавших обращение, осуществлял в течение длительного времени деструктивную деятельность внутри Меджлиса крымскотатарского народа, которая привела к его расколу, ослабила систему органов национального самоуправления, нанесла ущерб престижу крымскотатарского национального движения.

В связи с изложенным внеочередная сессия Курултая крымскотатарского народа постановляет:

1. Подтвердить полномочия Председателя Меджлиса крымскотатарского народа МустафыДжемилева.

2. Отозвать из Меджлиса крымскотатарского народа: Решата Аблаева, Энвера Аметова, Ленура Арифова, Лилло Буджурову, Рустема Карашаева, Сервера Керимова, Хубедина Куртбединова, Бекира Куртосманова, Руслана Куртсеитова, Сервера Таирова, Иззета Хаирова, Зию Халикова, Эмира Меджитова, Сейтхалила Джаксина, Садыка Берберова, Ниязи Селимова.

3. Отозвать из Ревизионной Комиссии Курултая крымскотатарского народа Энвера Муединова.

4. Провести довыборы в Меджлис крымскотатарского народа и Ревизионную Комиссию Курултая крымскотатарского народа.

5. В качестве временной меры на период до IV Курултая предоставить Председателю Меджлиса крымскотатарского народа следующие полномочия:

- при избрании членов Меджлиса крымскотатарского народа отводить без обсуждения и голосования до 1/3 предложенных кандидатур;

- налагать вето на решения Меджлиса крымскотатарского народа, которое может быть преодолено 2/3 голосов членов Меджлиса;

- создавать исполнительные и консультативные органы при Меджлисе крымскотатарского народа;

- созывать внеочередные сессии Курултая, если решение Председателя Меджлиса будет поддержано не менее, чем 1/3 членов Меджлиса крымскотатарского народа.

6. Поручить Меджлису крымскотатарского народа выработать механизм возможного отзыва делегата Курултая крымскотатарского народа и представить его на утверждение очередной сессии Курултая крымскотатарского народа.

7. До очередной сессии Курултая крымскотатарского народа наделить Меджлис крымскотатарского народа правом по представлению Председателя Меджлиса крымскотатарского народа утверждать и освобождать его первого заместителя;

8. Поддержать решение Ревизионной Комиссии Курултая крымскотатарского народа от 4 ноября 1997 года и утвердить в должности председателя Ревизионной Комиссии Айдера Мустафаева.

9. Меджлису крымскотатарского народа:

- разработать и реализовать меры по эффективному контролю за использованием средств, направленных на цели, связанные с возвращением и обустройством крымскотатарского народа;

- возобновить и усилить работу Наблюдательного Совета по контролю за эффективным использованием средств, направленных на Программу возвращения и обустройства крымских татар;

- рассмотреть вопрос о доверии по отношению к лицам, рекомендованным предыдущим составом Меджлиса крымскотатарского народа на ответственные должности в различные государственные органы"²⁸.

Были произведены (тайным голосованием) довыборы членов Меджлиса, которыми стали Рефат Кенжалиев, Эбазер Сеитваапов, Мерьем Озенбашлы, Рефат Адильсеитов, Сервер Изидинов, Дилявер Мамбетов, Арсен Альчиков, Джульверн Аблямитов, Бейе Ильясова, Али Хамзин, Энвер Алибеев, Риза Шевкиев, Халил Мустафаев, Надир Фазылов, Куртсеит Абдуллаев, Эмирасан Караев.

Курултай принял также постановление "О крымскотатарских средствах массовой информации" (критическая часть этого постановления сосредоточена в его первом пункте "О газете "Авдет"), "О недоверии депутатам Ленуру Арифову, Нариману Абдурешитову и Лиле Буджуровой, избранным по национальному крымскотатарскому многомандатному округу в Верховный Совет Автономной республики Крым" (с предложением сложить им свои депутатские полномочия в Верховном Совете), "Об отношении к выборам 29 марта 1998 г." (утвердив участие Меджлиса в выборах в Верховную Раду Украины в блоке с партией Народного Руха Украины и конкретные кандидатуры Мустафы Джемилева и Надира Бекирова по избирательному списку Руха), Обращение к президенту Украины, Верховной Раде Украины, к Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе и к Верховному комиссару ООН по правам человека "О продолжении дискриминации крымскотатарского народа и необходимости

срочных мер для защиты его прав" и "Обращение к крымскотатарскому народу", в котором говорилось:

"Дорогие соотечественники! На протяжении последних месяцев не стихают разговоры о кризисе в Меджлисе крымскотатарского народа. К сожалению, это оказалось недалеко от истины: созданный неимоверными усилиями, трудом тысяч патриотов представительный орган крымскотатарского народа оказался под угрозой развала. Объектом нападков и обвинений стал Председатель Меджлиса крымскотатарского народа.

В преддверии внеочередной сессии III Курултая кто с недоумением, с глубоким сожалением, а кто с самодовольством и злорадством ожидали, что ситуация в Меджлисе перекинется также на национальный съезд, что среди делегатов произойдет раскол и Курултай самоликвидируется.

Этого не случилось. Национальный съезд в очередной раз продемонстрировал, что Курултай как высший представительный орган является не только выразителем воли и интересов, но и коллективным разумом крымскотатарского народа [...] Курултай принял решения, способствующие укреплению национального движения. Реально существующая угроза развала устранена. Внеочередная сессия III Курултая подтвердила полномочия Председателя Меджлиса крымскотатарского народа Мустафы Джемилева. Речь идет не просто о выражении доверия к лидеру, но и о признании его курса, поддержке форм и методов борьбы за национальные интересы"²⁹.

23 декабря состоялось первое заседание обновленного состава Меджлиса. Были утверждены новые заместители председателя Меджлиса и его представители в Центральной Азии (Али Хамзин), в Херсонской области и Запорожье (Энвер Алибеев), кандидатура Ремзи Аблаева на должность председателя Наблюдательного совета в Рескомнаце. Принято решение уволить главного редактора газеты "Авдет" Л. Буджурову с занимаемой должности. Одобрено решение перевести офис Меджлиса крымскотатарского народа в новое здание по адресу: Симферополь, улица Шмидта, 2.

Итак, новый год, новый дом, новый состав Меджлиса... О чем пожалеет когда-нибудь его председатель, вспоминая старых друзей и радости победы, которую напрасно его недоброжелатели называют "Пирровой": ведь войско

осталось?

Жизнь продолжается. Жизнь требует от лидера национального движения

новой мудрости, нового мужества, а политическая борьба - новых жертв.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Подробно суть разногласий, скрытых от постороннего глаза, но уже достаточно явно проявившихся в 1995-1996 годах, между Меджлисом крымскотатарского народа и депутатской фракцией "Курул-тай", с одной стороны, и "нетерпеливой" праворадикальной оппозицией, сосредоточенной в руководстве ОКНД и партии "Адалет", с другой стороны, освещена автором в предшествующих публикациях. См.: С.М. Червонная. Крымскотатарское национальное движение (1994-1996). Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 101. М., 1997; С.М. Червонная. Возвращение крымскотатарского народа: проблемы этнокультурного возрождения. (Крымскотатарское национальное движение, том 4). М., 1997.
2. Доклад Председателя Меджлиса крымскотатарского народа Мустафы Джемилева на внеочередной сессии Курултая //Голос Крыма. 1997. № 51-52 (26 декабря). С. 2.
3. Доклад Председателя Меджлиса крымскотатарского народа Мустафы Джемилева на внеочередной сессии Курултая //Голос Крыма. 1997. № 51-52 (26 декабря). С. 2.
4. Ильми Умеров - один из видных и активных деятелей крымскотатарского национального движения с 1980-х годов, член Исполкома ОКНД (с 1989 года), член Меджлиса (с 1991 года), стал первым полномочным представителем крымских татар (чья кандидатура была согласована с Меджлисом) в Правительстве Автономной Республики Крым.
5. Доклад Председателя Меджлиса крымскотатарского народа Мустафы Джемилева на внеочередной сессии Курултая // Голос Крыма. 1997. № 51-52 (26 декабря). С. 2.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же. С. 4.
12. Именно в газете "Крымское время" было опубликовано заявление, а затем пространное интервью Сервера Керимова, содержащее обвинения в адрес его бывших соратников по партии "Адалет" и в национальном движении, возглавленном Курултаем.
13. Цит. по: Из партии "Адалет" ушел лидер. Осталась ли справедливость? // Авдет. 1997. № 21 (24 ноября). С. 1.
14. Цит. по: Л. Халилова: У партии "Адалет" теперь новый лидер // Голос Крыма. 1997. № 46 (21 ноября). С. 1.
15. Доклад Председателя Меджлиса крымскотатарского народа Мустафы Джемилева на внеочередной сессии Курултая. //Голос Крыма, 1997, № 51-52 (26 декабря). С. 4.
16. Обращение к делегатам III Курултая крымскотатарского народа. // Авдет. 1997. № 22 (8 декабря). С. 1.
17. Заявление. // Авдет. 1997. № 22 (8 декабря). С. 1.
18. Л. Буджурова. Кризис в Меджлисе: все нормально - идем ко дну... //Авдет. 1997. № 19 (27 октября). С. 1.
19. Crimean Tatars: Repatriation and Conflict Prevention. [Open Society Institute Forced Migration Projects]. New York [1996]. P. 48.
20. Вячеслав Лебедев. Мустафа Джемилев: От демократии к диктатуре. Главными итогами крымскотатарского курултая стали разгром оппозиции и курс на союз с Рухом". // Независимая газета. 1997. № 242 (25 декабря). С. 3.
21. Заявление Председателя Ревизионной Комиссии III Курултая крымскотатарского народа Энвера Муединова. // Авдет. 1997. № 22 (8 декабря). С. 2).
22. Конференция местных меджлисов. // Голос Крыма. 1997. № 50 (19 декабря). С. 1.
23. Л. Буджурова. Кризис в Меджлисе: все нормально - идем ко дну... //Авдет. 1997. № 19 (27 октября). С. 1.
24. См., например: Ф. Якубов. Открытое письмо внеочередному Курултаю // Голос Крыма. 1997. № 50 (19 декабря). С. 2; Рефат Аптазов, Эрик Кудусов, Энвер Рамазанов, Вильдан Шемьи-Заде. Открытое письмо делегатам Курултая // Голос Крыма. 1997. № 50 (19 декабря). С. 4.
25. Из партии "Адалет" ушел лидер. Осталась ли справедливость? // Авдет. 1997. № 21 (24 ноября). С. 1.
26. Положение о Меджлисе крымскотатарского народа. Новая редакция //Авдет. 1997. № 23 (16 декабря). С. 1.
27. Доклад Председателя Меджлиса крымскотатарского народа Мустафы Джемилева на внеочередной сессии Курултая // Голос Крыма. 1997. № 51-52 (26 декабря). С. 4.
28. О мерах по преодолению кризиса в Меджлисе крымскотатарского народа // Голос Крыма. 1997. № 51-52 (26 декабря). С. 6.
29. Обращение внеочередной сессии III Курултая к крымскотатарскому народу // Голос Крыма. 1997. № 51-52 (26 декабря). С. 1.